

Иней

Анна Инк

Анна Инк Иней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25279460

ISBN 9785448558092

Аннотация

– Как вы познакомились? – Те двое, которые были с ним. Они хотели меня изнасиловать. Его друзья. – А он? – А он даже не узнал меня, когда мы встретились снова.

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	32
Глава 3	53
Глава 4	85
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Иней

Анна Инк

© Анна Инк, 2017

ISBN 978-5-4485-5809-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Я же сказала, что обманула тебя.

– Я знаю. Я знаю, где ты живёшь на самом деле. Я под твоими окнами... На твоей кухне горит свет.

– Ты что... следил за мной? – я в ужасе кидаюсь к окну. – Я не вижу тебя...

– Испугалась? Думала, я какой-нибудь маньяк?

– Я не пойму, ты шутишь или нет, – выдыхаю в трубку. Если он узнает, что я живу не с подружкой, а с Никитой... да какая разница? Что мне терять?

– А представь, что я там, под твоими окнами. Я ждал тебя около твоей работы, шёл за тобой до метро. Ехал в соседнем вагоне, и смотрел на тебя через стёкла. Ты один раз обернулась на меня, как будто почувствовала, что на тебя кто-то смотрит, но не заметила. Наверное, не узнала.

– Перестань, ты меня пугаешь.

– А когда ты вышла из метро и села в маршрутку, я пой-

мал машину и поехал за тобой. Потом твоя остановка. Я шёл за тобой по соседнему тротуару, провожал до подъезда.

– Нет, это уже слишком!

– Почему? Разве это не прикольно? Я настолько увлёкся тобой, что веду себя как сумасшедший. А что мне остаётся делать? Ты не отвечаешь на мои звонки, не хочешь со мной видиться, – он говорит так спокойно, как будто пересказывает фильм. – Я в отчаянии.

– Это не повод.

– Что? Ты – не повод так себя вести?

– Уж точно нет. Во мне нет ничего такого, чтобы... чтобы мужчина вдруг стал меня преследовать.

– Ух ты! Не знал, что у тебя низкая самооценка.

– И как же ты вычислил, где мои окна?

– О, ну это было довольно просто, – протягивает он. Зати-хает ненадолго. Придумывает. – Я следил за тобой несколько раз, ждал, пока ты войдёшь в подъезд. А потом смотрел на окна, где зажгут свет.

– Несостыковка. А если меня дома уже ждут? Я ведь живу не одна. И свет давно горит.

– Ну... Представь, что ты приходишь раньше. Заходишь в пустую квартиру, включаешь везде свет. Подходишь к окну... и тебе кажется, что молодой человек внизу уже не в первый раз стоит и смотрит на твои окна. И, кажется, ты знаешь его... Он смотрит прямо на тебя. Смотри внимательнее, видишь?

Я невольно ищу его глазами под окнами.

– Да ну тебя! Ты фантазёр.

– И вдруг он исчезает. А ты совсем одна в квартире. И так тихо вокруг. И раздаётся звонок в дверь. Наверное, это подруга – думаешь ты. Не смотришь в глазок. Ты уже вставила ключ, и поворачиваешь его в замке, и вспоминаешь, что у неё всегда есть с собой ключи. Но ты уже открыла дверь... – Он делает паузу. Снова выдыхает в трубку: – А за дверью он. Ты замираешь. Ещё цепляешься за дверь пальцами, пытаешься толкнуть её назад. Но он сильнее тебя. И он уже внутри.

Я ощущаю, как дыхание моё замедляется, становится глубже. Хотела бы я оказаться с ним в квартире одна.

– Тебе нравится то, что я говорю?

– Нравится, – выдыхаю я.

– Мне рассказать тебе, что будет дальше?

– Расскажи, – прошу я.

– Он захлопывает за собой дверь. Его пальцы прокручивают ключ в замке. И только этот щелчок приносит тебе осознание, что ты с ним одна здесь, в запертой квартире. Ты узнаёшь его лицо?

– Нет. На улице было слишком холодно, и он надвинул шарф до самых глаз, пока выслеживал меня.

– Но его глаза ты видишь. Ты запомнила их с вашей первой встречи. Они зелёные. Такая редкость. И ты запомнила, как он смотрел на тебя. Это невозможно забыть. Тот взгляд.

Ты ни с кем его не спутаешь.

– Да. Я уже видела его. Я прикасалась к его рукам, когда он приходил ко мне на работу. Я втирала в них крем, и смотрела в его глаза снизу вверх. Но тогда его руки были тёплыми.

– А теперь они ледяные. Откуда ты это знаешь? Он трогает тебя?

– Он схватил меня за шею сзади, когда я побежала. И сдавил. Он держит меня так крепко, что я не могу сдвинуться с места. И холод его пальцев пронизывает меня насквозь. Я чувствую, как моя кожа покрывается мурашками. От холода. И от страха.

– Что он делает? Почему вы продолжаете стоять на месте?

– Он стягивает с себя шарф. Медленно. Он никуда не спешит. Он знает, что никто не придёт до самого утра. И всю эту ночь он может делать со мной, что хочет.

– Он собирается связать тебя?

– Нет. Он накидывает шарф на мою шею. Петлёй. Я видела на крупной вязи ткани иней, когда он переступал порог. И теперь этот иней ломается на моей коже, когда он затягивает шарф на моей шее. И холодная влага быстрыми струйками бежит вниз, промачивает майку, скользит по моей груди.

– Ему так нравится, что ты дрожишь.

– Ему нравится, что я боюсь его?

– Нет. Ему нравится твой трепет. Ты кричишь телом. Но с твоих губ скатывается только немой воздух. Почему ты

такая тихая? Почему не зовёшь на помощь?

– Потому что я хочу его. Я хочу его с нашей первой встречи.

– Где он хочет трахнуть тебя сначала? В комнате? Прямо на полу коридора? Он хочет смотреть на тебя в зеркало, когда войдёт сзади?

– Он видит окно с распахнутыми шторами на кухне. То самое, у которого я стояла несколько минут назад, когда он ещё был снаружи. И толкает меня туда. Давит на мою шею ладонью, пока мои бёдра не упрутся в подоконник.

– Теперь он видит твоё отражение. Твоё быстрое дыхание делает стекло мутным.

– Я хочу, чтобы он трогал мою грудь.

– Он гладит твои распахнутые губы пальцами, скользит вниз, проводит по голым соскам через майку.

– Сталкивает ткань вниз, и его ледяные пальцы проводят вдоль ореола, не касаясь соска. Он дразнит себя. И меня.

– Он чуть нагибает тебя вперёд, вдавливая твою грудь в ледяное стекло.

– Я слышу, как он расстёгивает молнию на своих джинсах. За спиной скрип паркета. Я испуганно оборачиваюсь... Никита, чёрт его возьми! Он открывает дверь в кухню, и мне приходится сбросить звонок.

Я едва успеваю оторваться от стекла и одёрнуть майку.

Глава 1

Месяцем ранее

Я – неудачница. Мне не везёт во всём. Нет ничего – ни денег, ни нормальной работы, ни своего жилья. Я не замужем – живу с молодым человеком на съёмной квартире. У меня нет друзей. Я общаюсь с девчонками на работе, но только во время трудового дня. Никита говорит, что это нормально. Вот только среди моих коллег есть те, кто дружит между собой. Они созваниваются в выходные, ходят вместе в кафе. Взять ту же Ленку, которая общается со мной больше всех: вчера они ходили с Катей по магазинам. Чем та Катя лучше меня? У нас даже имена одинаковые... Я чувствую себя изгоем, когда на прощание Света, например, целует всех девчонок в щёку, а мне машет рукой – будто я заразный больной.

Я смотрю через окно маршрутки на промозглое осеннее утро. Люди на тротуарах кутаются в тёмные куртки и пальто, спешат на работу. Город ожил ещё несколько часов назад – в Москве день начинается очень рано, особенно для тех, кто живёт далеко от центра. В стекле отражается моё лицо. Какая же я уродина! Больше всего ненавижу свои жирные щёки – они делают меня похожей на хомяка; кожа на них красная, неровная, что особенно бросается в глаза под беспощадным утренним солнцем. Эти дурацкие щёки портят

всё моё лицо: мой курносый нос на их фоне кажется недоразвитым, я всё время пучу глаза, чтобы они казались больше, и над бровями скукоживаются горизонтальные складки, я стараюсь уложить волосы так, чтобы прикрыть ими свои щёки, и от этого они быстро салятся и опадают коричневыми патлами. Фу, даже смотреть на себя противно! Отворачиваюсь от окна, машинально опускаю глаза и смотрю на свои расплющенные бёдра. Про свою фигуру я вообще молчу... Вдыхаю так тяжело, что женщина на соседнем кресле бросает на меня подозрительный взгляд.

У меня никогда не было поклонников. Когда мои одноклассницы в тринадцать лет бежали за угол школы на свидания, я только с завистью провожала их взглядом и плелась домой. Зато любви без взаимности было выше крыши. Сначала Вова в детском саду, обаятельный блондин с невероятными ультрамариновыми глазами, упрямый и хулиганистый, заводила всей группы – он сказал, что я толстая, поэтому он не будет со мной играть. А потом все ребята дразнили меня: «теле-теле тесто, жирная невеста». В одиннадцать лет родители отправили меня в художественную школу, потому что им некуда было девать меня по вторникам и четвергам, и там я влюбилась в Андрея, печального сероглазого мальчика на несколько лет старше меня; он рисовал самые красивые пейзажи в стиле Моне. У Андрея было отличное чувство всей палитры «vert de», поэтому особенно хорошо у него выходили те месяца, когда природа зелёная. И я меч-

тала, что между неспелыми персиками и виридоновыми травами он когда-нибудь всунет моё розовое пухлое лицо. Это была очень сильная и непродолжительная любовь. Я ждала его после занятий и молча шла чуть позади, почти рядом. И он тоже всегда молчал. Я провожала его до дома, и он захлопывал перед моим носом дверь в подъезд, даже не обернувшись, будто меня не существовало. А однажды не пришёл на занятия. Я думала, что заболел. Но он не пришёл раз, потом два, а потом я узнала, что он переехал с родителями в другой город.

В шестнадцать мне понравился одноклассник Саша, стройный высокий брюнет с тёмными глазами цвета жжёного кофе; отличник, занял первое место по математической олимпиаде в городе. Он не интересовал меня до тех пор, пока однажды не поднял мой учебник с пола, который сам же случайно уронил. Его вежливость запала мне в душу, и я стала поглядывать на него украдкой на уроках. Иногда мы встречались взглядами. Я начала думать, что он уронил учебник специально, чтобы проявить ко мне внимание. Я смотрела на его затылок уроки напролёт, а когда он случайно оборачивался и натыкался на мой взгляд – моё сердце наполнялось теплом. Мне казалось, что он тоже что-то чувствует ко мне. А потом у него появилась привычка садиться на задние парты, где мне его было не видно. Я подумала, что он просто выбирал места, откуда удобно за мной наблюдать. Приходилось всё время поворачиваться и делать

вид, что я ищу что-то в сумке, пока я исподлобья смотрела на него. Когда я обнаружила закономерность, что сидит он на всех уроках с Вероникой, я пришла к выводу, что стоит с ним поговорить. Долго обдумывала этот разговор. Шли месяцы, сокращалось время до окончания школы, мои оценки скатились к твёрдым тройкам. А я всё искала нужные слова и удобный момент. Получилось всё как обычно и происходит в моей жизни: через жопу. Я случайно увидела его в очереди на кассе в магазине, одного. Я подошла к нему, он обернулся и посмотрел на меня. Надо было что-то сказать, а я не могу: сердце клокочет, во рту пересохло, слова перемешались в голове. Он отвернулся, я набрала воздуха побольше и выпалила:

– Нам надо поговорить.

Он обернулся снова, и спокойным голосом предложил:

– Говори.

– Что, прямо здесь?

– А что такое?

Я покосилась на людей вокруг, и мне показалось, что все на нас смотрят. Я начала мямлить, запинаться. Он не мог понять ни слова, щурился, склонялся ко мне. Наконец, раздражённо вскрикнул:

– Говори громче!

На нас обернулись люди, и я не то чтобы сказала, скорее провизжала:

– Я люблю тебя!

Он вскинул бровь, смерил меня тяжёлым взглядом, и сказал, что «это было очевидно». Я молча ждала продолжения. Он устало выдохнул. Выпускал воздух так лениво, что его щёки были похожи на сдувающийся воздушный шар. И сказал: «честно говоря, мне это неинтересно; у тебя стереотипная внешность и скудный ум». До сих пор помню это ощущение, как краска залила моё лицо, и я не могла сдвинуться с места. Было очень унижительно.

Выхожу из маршрутки и топаю к метро. Что ещё со мной не так? Моя, скажем так, карьера. Эта тема особенно будет мусолиться сегодня вечером *кое-кем*. В свои двадцать пять я работаю консультантом в магазине косметики. У меня нет ни специального, ни высшего образования. Моя зарплата никогда не переваливала за двадцать тысяч. В Москве это не то что гроши, при съёмном жилье это просто невозможные для физического выживания деньги. Если бы я жила в своём городе... Но Никита говорит, что это нормально. Что я правильно сделала, что приехала сюда. Что нужно лишь немного времени, и всё наладится. Возможно, я даже смогу пойти учиться. Он такой оптимист. И романтик. Он всё время говорит, что если бы я осталась в своём городе, мы никогда бы не встретились. А без меня его жизнь была бы «пуста и бессмысленна».

Толпа вдавливают меня в противоположную дверь вагона, и я вжимаюсь в высокого и тучного мужчину, от которого несёт дешёвым одеколоном. Как ни странно, более чем

за три года работы в помещении, где изо дня в день происходит кощунственное смешение дорогих ароматов с откровенным ширпотребом, обоняние у меня по-прежнему отменное. Но какой от этого толк, если мой мужчина вынужден пользоваться дезодорантом для эконом-класса, а туалетную воду позволить себе не может в принципе. Про себя я молчу. У меня очень плохой вкус – вот, кстати, ещё о чём вспомнила. Я одеваюсь по-рыночному, вульгарно крашусь, и совершенно не слежу за тем, как выглядит мой мужчина: на нём плохо сидит одежда, и каждому встречному видно, сколько эта одежда стоит. Именно такие слова она говорила Никите, когда он познакомил нас. Я очень долго пыталась у него, какое впечатление произвела на Ирину. Никита не умеет врать, но и расстраивать меня он очень не хотел. Мне, конечно, было ужасно обидно, я даже расплакалась. Но он успокоил меня тем, что его сестра так относится ко всем людям. Она такой человек. Она всех меряет по зарплате и должности. И мы с Никитой, по её мнению, оба лузеры. Только он – её брат, а я ей абсолютно чужая. Мы ведь даже с ним не женаты.

Мы вместе уже полтора года. Съехались почти сразу после знакомства, вот так быстро у нас всё завертелось. С тех пор я готовлю ему, стираю, глажу, убираю, приношу деньги в общий бюджет. Он говорит, что очень любит меня. И мы обязательно поженимся, когда накопим денег. Мы кладем их в банк, чтобы набежали проценты. Нам нужно хотя бы три-

ста тысяч. По крайней мере, когда мы всё рассчитывали, такой минимум получился: чтобы лимузин, белое платье и голуби – всё как у людей. Никите очень важно отпраздновать свадьбу в Питере, его родном городе. Там есть кафе «Васильки». Когда его отец сделал предложение его маме в этом месте, это был обычный советский ресторан. Теперь единственное, что осталось прежним от этого ресторана – люстра в виде огромной рыбы с венком из васильков на голове. Сейчас питерские «Васильки» превратились в популярный для тузов паб, и цены там, понятное дело... зашкаливают. Пока мы накопили почти полтинник. Мда. И я до сих пор не знакома с его родителями. Вот так вот. Я действительно полный ноль. У меня нет ничего. Почему я думаю обо всём этом сейчас?

Выхожу из метро. Наш магазин находится в пятнадцати минутах от станции, но точка проходная. Правда, зимой очень холодно добираться пешком, улица прямая и продувается как проспект. Ёжусь, сжимаюсь под одеждой, скукоживаюсь. Неудивительно, что ко мне никогда не подходят знакомиться на улице. Когда холодно, я семеню ножками, сутулюсь, опускаю глаза в землю. Когда жарко, я сильно потею, и очень стесняюсь этого. Мне всегда кажется, что кофта подмышками промокла, и я прижимаю руки близко к телу. Поэтому тоже сутулюсь. Сутулюсь всегда. К тому же я неудобно чувствую себя, когда на мне мало одежды. Всем сразу видны эти отвратительные жирные складки на боках, и мои но-

ги... о, эти ужасные ноги, с красными прожилками на ляжках, с уродливыми ямами в коже от целлюлита. Но Никита говорит, что я очень красивая. И я никак не могу понять, в чём подвох. Он очень хороший. И, наверное, ему очень жалко меня.

Я думаю обо всём этом сейчас, потому что сегодня вечером к нам придет Ирина. И начнёт перечислять все мои недостатки, и снова задаст ему вопрос: «зачем тебе *эта?*»

– Эй!

Возглас кажется мне агрессивным, и я невольно ускорю шаг.

– Эй! Ты! С бутылкой! – молодой хриплый голос. Его эхо перемешивается с грохотом электрички. Грязный свет её окон бьёт сквозь кусты.

Справа от меня. Трое. Идут в мою сторону.

Другой голос:

– Тебе, тебе! Стой!

Мои пальцы впиваются в бутылку с шампанским. Шаг замедляется.

Один из них отшвыривает сигарету вбок, и она вертится, как волчок. Его злое лицо похоже на морду питбуля. Волосы короткие, как щетина. Мочки ушей скошены.

Пожалуйста. Я ведь уже вижу поворот к нашему дому. Я ведь почти дошла.

– У неё сумки нет, – говорит один из них.

– Есть-есть, за жирной задницей не видно.

– И есть бухло.

– А закурить?

– Я не курю, – шепчу я.

Рывком один из них придвигает ко мне своё лицо: худое, вытянутое, с выцветшими глазами. Он шумно обнюхивает мои волосы:

– Она не курит. Но пахнет от неё дерьмово.

Пар из его рта окутывает меня вместе с запахом ацетона.

– Ребят, я здесь живу. И меня ждут дома, – пишу я.

– У тебя есть три рубля? Каждому из нас.

Я вжимаю голову в плечи и не могу сделать ни шагу. Почему я не успела? Почему вообще я пошла сюда? Это несправедливо! Это было подло – гнать меня за шампанским *для неё* в одиннадцать вечера через окраины города.

– Отпусти! – я отдёргиваю руку, когда один из них, самый низкий и пухлый, хватает меня за локоть. Ткань куртки с противным свистом выскользнула из его коротких пальцев.

– Оп, – другой перехватывает бутылку.

Кто-то сдёргивает сумку с плеча.

– Тихо, тихо, тихо, – он больно стягивает мои волосы у затылка и рвёт.

Я падаю назад. Но меня подхватывают. Волокут. В секунду останки света сменяются темнотой. Я оказываюсь на земле. Четыре руки шарят по моему телу. Кому-то нужны карманы. Кто-то рвёт молнию на куртке. Кто-то вминает мои

губы грубыми, пахнущими табаком пальцами. Я вцепляюсь в эти пальцы зубами. Но ему не больно. Даже не дрогнул.

– Мобильник – говно, – две руки исчезают. Темноту распарывает неоновый свет экрана. Этот свет изо всех сил пытается оттеснить от меня густую тьму, он делает всё, что может, для моего взгляда – ещё раз увидеть их лица и запомнить наверняка.

– В кошельке сто рублей. Твою мать! – молодой человек со скошенными мочками со свистом запускает мой кошелёк в кусты.

– Посмотри в сумке.

– Да нет здесь ни хрена, – я слышу, как на землю падают мои вещи.

– Серьги золотые? – влажный шёпот в моё ухо.

Я мотаю головой.

Он цепляет зубами дужку серёжки и тянет на себя. Я краем глаза вижу его хищный взгляд. Холодная слизь его слюны падает с моей мочки и бежит по шее за шиворот.

– Хочешь её трахнуть?

Тот, кто говорил, склоняется надо мной. В его руках щёлкает нож. Звук глухой. Лезвие короткое.

– Мне нужны деньги, – голос в стороне. – Пошли!

– Хочу посмотреть на её грудь. Не шевелись, девочка. Иначе я могу сделать тебе больно.

Он собирает в ладонь воротник моей кофты у ключицы, тянет в сторону, и вонзает в плоть ткани кончик лезвия. Ре-

жет. Шорох похож на прикосновение ногтя. Лезвие острое. Без усилий вспарывает плотные нити. Я чувствую холод. Он проскальзывает к моей груди в образовавшуюся прореху, и колет мою кожу беспощадно, особенно там, где она раздвигается от образовавшейся раны.

– Ух ты! А здесь есть, на что посмотреть.

– Лёх, не обламывайся, – другой пытается столкнуть с меня джинсы.

– Я сказал – пошли, – снова в стороне. – Да твою мать! – шорох листьев. Он наступает на мои волосы. – Мне. Это. Неинтересно, – цедит голос уже надо мной. Его крепкая шея белеет, взбухает от напряжённых жил. – Я сказал, мне нужно бабло. Слез!

Руки, прижимавшие меня к земле, исчезают.

Я слышу странный щелчок откуда-то со стороны. Протяжный щелчок, который тут же распадается множеством звуков. Это похоже на падение маленьких пластмассовых шариков. Они будто ныряют в гладь скользкого пола пустой комнаты, и отскакивают с треском к высоким потолкам. Этот треск наводит на меня животный ужас, хотя я и не понимаю, что он значит.

– Спокойно, – новый голос.

Дребезг стекла: вкрадчивый.

Снова щелчок. Но теперь он дольше и громче, задаёт резкие отблески в густой тьме, смешивается с топотом ног и вибрацией земли. Вибрация разрастается, увеличивает

свою амплитуду, и в воздух врезается свист поезда.

– Цела? – сквозь пронзительный гудок электрички я слышу голос.

Сажусь на земле, рефлексивно запахиваю куртку. Надо мной склонился мужчина. Он включает фонарик на своём телефоне, и я зажмуриваюсь. Холодный свет исчезает вместе с жёлтым, как только мимо проносится последний вагон поезда.

– Давай руку.

– Не могу, – шепчу я.

– Что?

– Не могу их расцепить, – я киваю в сторону рук, которые впились в синтепоновую ткань и будто окаменели.

Мужчина убирает в карман электрошокер и берёт меня за плечи; рывком поднимает на ноги. Расцепляет мои руки. Пытается застегнуть молнию на моей куртке.

– Порвали, уроды, – бормочет он. – Ничего, главное жива осталась.

Он отпускает безнадёжную молнию и отступает. Я делаю осторожный шаг – будто проверяю, не повреждены ли мои ноги, могу ли я ходить. Сгибаюсь, и поднимаю сумку. Злосчастное шампанское разбилось совсем рядом с ней – теперь кожаный заменитель липкий, но пахнет вкусно. Я взяла для Ирины самое дорогое шампанское, которое было на витрине.

– Твой мобильный, – мужчина протягивает его мне.

– Спасибо, – шепчу я. – Там ещё кошелёк. В кустах.

Мы идём к железной дороге. Пробираемся к кустам с фонариком. Ветки елозят по куртке, с громким хрустом ломаются под ногами – эхо такое, будто я глубоко в лесу. Я вглядываюсь в сырую землю. Острые края осколков бетона во мху, искривлённые, с лужицами внутри, пакеты, зелёные бутылки, белый пластиковый стакан из-под сметаны. Распахнутый красный кошелёк лежит навзничь среди мусора.

– Мой, – всё ещё шёпотом говорю я.

– Тебе далеко до дома? Сама дойдёшь?

– Дойду. Он там, за поворотом.

– Если ты здесь живёшь, значит должна знать, где не надо ошиваться по ночам. Что ты тут забыла?

– Я...я ходила в магазин.

– Отлично, – шумно выдыхает он. – Нашла время и место.

Мы возвращаемся к тому же месту, откуда меня уволокли те трое.

– Это всё случайно... Мне очень повезло, что Вы оказались рядом. Спасибо.

– Повезло. Учитывая, что я тут не живу, – он озирается. – Где здесь железнодорожная станция?

– Там, – я указываю в сторону магазина, из которого шла. – Слева будет проход минут через десять. Забор закончится, и сразу.

Он кивает и уходит.

– Его прямолинейность меня позабавила, – я слышу её

голос из кухни.

Снимаю куртку. На кофте зияет дыра, от правой ключицы и вниз, почти до соска. Лифчик был сдвинут лезвием. Рана неглубокая.

– Он очень... брутальный, даже немного грубый. Тем и зацепил, – задор в её голосе. – Эй, где там моё шампанское?!

Я захожу в комнату и быстро переодеваю кофту. Рваную запихиваю в шкаф. И иду на кухню. К ним.

– Там закончилось шампанское, была только водка – бормочу я. – Здравствуй, кстати.

Ирина смотрит на меня с брезгливостью:

– А запах такой, будто ты его всё-таки купила. И сама выдула по дороге.

Никита приобнимает меня и целует в щёку.

– Я сейчас в «Леонт» сбегая, – говорит он, и идёт в коридор. – Здесь всего десять минут.

– Нет! – вздрагиваю я. – Я там и была.

– С ума сошла! – Никита возвращается в кухню. – Зачем ты туда ходила?

– А куда мне, по-твоему, ещё было идти?! Ты позвонил мне, когда я ехала в маршрутке. Здесь уже всё было закрыто.

– Что не так с этим вашим «Леонтом»? – Ирина невинно хлопает глазами. – Катенька там уже превысила лимит долга за алкогольную продукцию?

– Ир... – Никита поджигает губы и ставит чайник кипятиться. – Просто местечко беспокойное. Меня там чуть

не избили однажды. Катя, больше никогда не ходи туда.

– Раньше здесь было спокойнее. Мне машину-то не поцарапают? – Ирина вытаскивает из сумочки зеркало, и поправляет ресницы.

– А Лёша не на ней уехал?

– Нет, ему надо домой. Взять деньги. Завтра он обещал сводить меня в ресторан за свой счёт, а не как обычно, – Ирина хмыкает.

– Судя по его виду, он может сводить тебя только в ресторан быстрого питания, – Никита глупо улыбается, но под взглядом Ирины быстро сменяет улыбку на тревожное выражение лица. – Как же он доедет в двенадцатом часу ночи?

– Его друзья обещали подвезти. Успокойся, братишка. Он тебе не родственник, и никогда им не станет.

– Кто такой Лёша? – хмурюсь я.

– Иринин водитель.

– И мой новый любовничек, – Ирина растягивается в обворожительной улыбке.

Ирина – очень красивая женщина. Она высокая, как и Никита. У неё идеальная фигура: стройные ноги, тонкая талия, узкие плечи. У неё красивая грудь, которая всегда подчёркнута вырезом, и круглая попа. И ни грамма лишнего жира. Рядом с ней я похожа на гибрид мопса со свиньёй. Может, всё дело в манере держаться? Прямая спина, высоко поднятый подбородок, взгляд из-под полуопущенных век, непринуждённость в движениях.

Уверенность в себе отражается в каждом её жесте: она сидит так, как ей удобно (вот как сейчас, на нашей кухне: вытянула ноги на кушетке и её совсем не заботит, что нам с Никитой приходится стоять), она смотрит куда ей хочется (с нескрываемым отвращением разглядывает обветшалый потолок и трещины в углах стен). Она совсем не вписывается в нашу кухню, заставленную старой мебелью, с выцветшей краской на стенах, покрытых жирными пятнами у плиты и раковины. Хочется раздвинуть для неё эти стены и потолок, убрать подальше от её глаз всю кухонную утварь, не оскорблять её всем этим убожеством и уродством. Она *другая*. Я не могу представить, что она когда-то была маленькой девочкой, с нежностью обнимала плюшевого медведя и не могла уснуть без колыбельной песни; не могу представить её юной, неопытной девушкой, краснеющей под взглядом мужчины. Она будто бы всегда была такой: роскошной, успешной, совершенной...

– Ты не дорассказала, как вы познакомились? – Никита ставит перед ней чашку с горячим чёрным кофе, подходит ко мне и обнимает за плечо.

– Вчера, когда я ехала к тебе. У меня пробило колесо, и он мне помог, – Ирина отпивает кофе и отламывает чайной ложкой кусочек пирога, который я вчера испекла. – Ты бы поменьше занималась выпечкой, – говорит она, перемалывая зубами воздушное тесто, и указывая ложкой на мои ноги, – и для фигуры полезно, и время можно с пользой потратить –

поработать, например.

– Вчера? Как вчера? – Никита немного подаётся вперёд.

Не знаю, чему он удивился больше: что она так быстро перевела нового знакомого в ряд любовников, или что она уже со вчерашнего дня в Москве. Вообще-то мы говорили о том, что Ирина приедет сегодня. Но, видимо, её планы поменялись, и она даже не удосужилась нас предупредить.

– Да, я прилетела вчера, и хотела сделать тебе сюрприз, – она прожёвывает ещё один кусочек, и небрежным жестом отодвигает от себя тарелку. Оглядывается в поисках чего-то. – Но вот, неожиданно всё поменялось, и я встретила Лёшу. У тебя есть салфетки?

Никита пожимает плечами и опускает ко мне голову.

– Нет, у нас нету, – тихо говорю я.

Ирина открывает свою маленькую сумочку и вытаскивает шёлковый белоснежный платок с изумрудным узором на уголке, вытирает губы. Бросает платок в тарелку – на белой ткани остаётся красный след от помады.

– Я в субботу проснулась, походила по магазинам, пообедала в японском ресторане, сходила в салон – а день всё тянется и тянется. И мне стало так скучно, – Ирина встаёт и идёт в комнату, мы следуем за ней как овцы за пастухом. – Я как представила, что мне ещё целый день нечем будет заняться... – она прохаживается по комнате и всё внимательно разглядывает. Несколько секунд изучает картину на стене, которую я нарисовала для Никиты после нашего знакомства.

Уголки её губ изгибаются волнистой линией. – Я ведь не то что некоторые – лишь бы жопу на диван пристроить, – она бросает на меня быстрый взгляд, потом смотрит на Никиту, широко улыбается. – Ну не могу я без работы! Вот и придумала к тебе пораньше приехать. И в воскресенье утром уже была в Москве.

– Не понимаю, почему ты не поехала на машине? Ты отлично водишь! – Никита садится на край кровати. Я прохожу к окну.

– Негоже мне из Питера самой машину гнать, – Ирина вальяжно потягивается и садится рядом с ним. – И как ты себе это представляешь? Я приезжаю, а тут форс-мажор – мы не получили заказ. Мне ещё обратно пилить? Сколько это, по-твоему, времени? А время, как ты знаешь, деньги, – она поворачивает к нему голову, и теперь я вижу только её затылок. Ирина молчит несколько секунд, а потом ласковым движением приглаживает Никитины волосы. Меня передёргивает, когда она трогает его. – Впрочем, ты не знаешь, – она тяжело вздыхает. – Ты понятия не имеешь, о чём я говорю, – и переводит взгляд на меня. Её ухмылка говорит о том, что она собралась снова напасть. Я крепче вцепляюсь в подоконник, на который облакачивалась, под пальцы попадает тюль и натягивается за моей спиной, я даже слышу треск над головой. – Ну а ты чего? Всё там же торгуешь? Обслуживаешь средний класс?

Я так волнуюсь, что боюсь открыть рот. Мне кажется, я

смогу издавать только недоразвитые звуки. Никита смотрит на меня с сочувствием. Но молчит. Он никогда не защищает меня перед ней. Это ужасно злит меня. Пальцы крепче впиваются в подоконник, и я снова слышу треск. Набираюсь смелости:

– У меня всё как обычно, – выдаю я. – Давай лучше о тебе... поговорим.

Ирина хмыкает:

– А что я? У меня всё и всегда идёт по плану, – она забирается на кровать с ногами, вытаскивает из-под пледа подушки и кладёт их рядом со стенкой, облокачивается на них спиной.

– Да, кроме новоиспечённого возлюбленного, – замечает Никита.

– Не спорю, это было неожиданно. Такими темпами я начну верить в судьбу, как и ты, – она одаривает брата звонкой усмешкой.

– Так и чего? – выпытывает он. – Ты арендовала машину, поехала...

– На Ленинградке влетела в яму. Вышла...

– Ты собралась менять колесо? – хмыкнул Никита.

– Я-то могу! Что ты меня перебиваешь всё время? – она отлипает от подушек и хлопает его по плечу. – Я вышла на обочину и стала голосовать. И буквально через секунду остановился он. Господи, на чём он ездит, ты бы видел! Помнишь, у бабкиного соседа, как его... деда Вали, была такая...

Ну, помнишь?

– Жигули?

– Ну да, наверное. Только у этой зад другой, а-ля хэтчбэк. Но не в этом суть. Она громыхает как товарный поезд. Я была изумлена, когда из *этого* вылез такой симпатичный молодой человек. У него обворожительная улыбка. И он сразу ко мне на «ты». Достал записку. Я, говорит, куртку не хочу запачкать, поддержи-ка. А утром ещё дождь шёл, он её расстёгивает, а там такое тело, мама моя, – Ирина лыбится, и в её лице столько похоти, что мне становится тошно. – А он в одной футболке, и этот дождь по его рукам стекает. Ох... Как тебя, говорит, зовут. Я ему – Ирина Сергеевна. А он мне – «Ага. Слушай, Ирка, а не угостишь ли ты меня чем-нибудь, когда я закончу. Ты же должна меня как-то отблагодарить?» Ох как я люблю таких бесцеремонных! Так что... А как мы до Москвы ехали – это было что-то! Он-то понятия не имел, что водитель я не хуже любого мужика. И мы поспорили. Кто первым доедет до центра. Мой аудей мощный, лёгкий. И он на своём этом, хэтчбэке, – хрюкает она. – У него не было шансов. Конечно, он не хотел проигрывать. А я не хотела подыгрывать. Его это так взбесило, – она хитро щурит глазки и довольно ложится на подушки. – Значит, здесь я буду спать? – она хлопает по кровати.

– Разумеется, – кивает Никита. – Куда я ещё тебя дену с твоей спиной?

– Да, моя спина всегда меня мучает. Я работаю по четыр-

надцать часов в сутки, как пианистка. Даже больше. Только моя работа куда важнее. Помнишь, как я оставалась здесь у тебя, когда всё только начиналось. Ещё до этой... – она скользит по мне взглядом, – как её звали?

– Кристина.

– Да, ещё до всех этих твоих никчёмных баб. Когда я сама ещё была никчёмной.

– Ну не надо, ты всегда что-то из себя представляла, – улыбается Никита.

– Спасибо. Да. Как-то я пыталась спать на твоей кушетке... Давай, вставай, – она сталкивает Никиту с кровати, ткнув его пяткой в лопатки, и сама спускается с кровати. – Я ужасно хочу спать. Надеюсь, белье выглажено? – она стягивает плед и с подозрением оглядывает постельное белье, переводит взгляд на меня.

– Да, – пожимаю я плечами.

Вообще я гладила не для неё. Точнее, я предполагала, что она будет заходить в комнату, и заметит, что бельё на нашей кровати выглажено. Но никто меня, разумеется, не предупредил, что она будет на нём спать. Для неё я собиралась распечатать запасённый с восьмого марта новый комплект.

– Ну-ну, – она с отвращением откидывает одеяло. – У тебя-то есть на это время... Ладно. Спокойной ночи! – бросает она Никите.

Мы выходим на кухню. Я с ужасом смотрю на кушетку, на которую вдвоём мы никак не поместимся. И новый ком-

плект остался в шкафу в комнате. А Никита, конечно, не посмеет туда теперь зайти – ведь сестра уже пожелала ему спокойной ночи, значит, теперь её нельзя тревожить.

– Не обижайся на неё, ладно? – Никита прижимает меня к своей груди.

– Не понимаю, если она нашла себе трахаля, почему не живёт у него? – шиплю я.

– Ну, наверное, там не очень удобно...

– А выгонять нас на кухню – очень удобно. Как-то же она эту ночь пережила? Неудобно... – я высвобождаюсь из его объятий и ухожу к окну.

– Ей просто хотелось повидать меня, и переночевать тут. Ностальгия, понимаешь?

– Угу.

Надеюсь, у них не получится взять этот заказ, и она уберётся из Москвы. Я не хочу, чтобы она приезжала сюда в любой момент поностальгировать. И как можно быть такой аморальной, и в первый же день знакомства...

– Постельное бельё в шкафу? – спрашивает Никита.

– Да.

...и в первый же день знакомства лечь с мужиком в постель!

Никита вздыхает:

– Тогда укроемся пледом, – он указывает на покрывало, лежащее на кушетке. – Это всего на одну ночь, ладно? Ну?

Пока я мою посуду, Никита пытается разложить кушетку.

Я перебираю каждое слово, сказанное Ириной за этот вечер. Она обращается со мной как с пустым местом. Всегда разговаривает с Никитой так, будто меня нет не то что в его жизни, а вообще в этой комнате. Она говорила: приехать к тебе, у тебя есть салфетки... У нас общий бюджет, я тоже оплачиваю эту квартиру, и продукты, которые мы оба едим. Я сама готовлю, потому что так выходит гораздо дешевле. А она говорит: побольше времени, чтобы поработать. Куда больше? Я уезжаю в семь утра, а приезжаю к одиннадцати вечера. Работать больше физически невозможно. И опять прицепилась к моей фигуре. А Никита как всегда смолчал. Ну конечно, она же его родная сестра, причём старшая. Но это ещё не значит, что он теперь всю жизнь должен ей подчиняться и виновато опускать глаза, когда она меня так унижает. Ирина — очень плохой человек. Но у неё есть всё: внешность, деньги, высокая должность. Не знаю, есть ли у неё подруги, зато уверена, что любой мужчина готов броситься к её ногам.

Глава 2

– Я часто представляю, как ты будешь смотреться на каком-нибудь роскошном приеме. Среди всех этих женщин с искусственными лицами. У них на уме одни деньги, – Никита гладит меня по лицу нежно-нежно, словно боится повредить пыльцу на моей коже. И с восхищением заглядывает в глаза. – Ты будешь среди них самой прекрасной, самой чистой. И как тебе пойдёт дорогое вечернее платье, из шёлка. Почему ты не надела то, атласное, с декольте? – Никита ведёт указательным пальцем от правой ключицы, закрытой тканью, вниз, к груди. Я вздрагиваю и перехватываю его руку.

– Ты чего?

– Извини. Атлас сейчас не по сезону, – я поднимаю его руку на своё плечо. Скорее бы зажила царапина от ножа. Как ему объяснить, где и при каких обстоятельствах я её получила? Я не просто не хочу, чтобы он жалел меня. Я не хочу потом успокаивать его. – Так на чём мы остановились? Что бы мне ещё пошло? – я широко улыбаюсь.

– И дорогие украшения, с драгоценными камнями. Такие же длинные, утончённые, как эти, только настоящие, – он проводит по цепочкам на моей серёжке; я чувствую, как стекляшки на их кончиках отрываются от моего плеча, и снова падают, по очереди, будто отсчитывая свою стоимость: од-

на тысяча рублей, две тысячи рублей, три... это самые дорогие серёжки в моей жизни, и подарил мне их он. У меня и дырок-то для серёжек не было, пока мы не встретились. А вот у Ирины украшения совсем за другие цифры. И одежда. Она будто специально утром разложила свои вещи в нашей комнате, пока выбирала, что ей надеть. И весь день, пока их с Никитой не было, я стеснялась войти в собственную спальню – как будто это гардеробная моей хозяйки, и если кто-то узнает, что я туда заходила, меня, как нищую служанку, обвинят в попытке воровства. А ведь мне в глубине души очень хотелось примерить что-нибудь из её вещей и на некоторое время представить, что я – она.

– Мечтать не вредно, – вздыхаю я. – И всё же надо было брать что-нибудь покороче, и дешевле бы вышло, и... не знаю, это не вульгарно, что они так лежат на плечах?

Я подхожу к зеркалу и трогаю серёжки, сталкиваю их с плеч. Смотрю в Никитины глаза через отражение.

– Тебе надо просто держать голову прямо, зачем ты всё время опускаешь её? – он кончиком пальца подталкивает мой подбородок вверх. Так и вправду гораздо лучше. – Ты же такая красавица...

Он обнимает меня, прижимает к себе, как ребёнок заветного котёнка, поворачивает к себе лицом, целует мои губы.

– Помада, – сопротивляюсь я, – всё сотрёшь.

Я снова смотрюсь в зеркало.

– Зачем тебе помада? У тебя и так всё замечательно.

Когда он хвалит меня, я каждый раз чувствую, как к горлу подступает тошнота. Как будто он слепой, и только на данном мною описании представляет меня себе.

Ещё Никита любит, когда всё естественно. Я ему нравлюсь и с утра непричёсанной, и с узкими глазами без туши и теней. Он обожает мой румянец. А я кажусь себе такой отталкивающей. Я вижу только спутанные волосы, свинячьи глазки и неровный цвет лица. Он с восхищением говорит о шелках на моём теле, а я представляю, как неуклюже будут путаться мои короткие толстые ноги в длинной юбке, а на спине, под лопатками, будут торчать складки. Он всё время говорит, что я красивая, а я ну никак не могу понять – что с ним не так? Это такая паранойя, что ли, которая бывает у человека с изъянами от рождения – кажется странным, что нормальный мужчина чувствует ко мне что-то *такое*: не жалость, не отвращение, а... А вдруг он извращенец? Вдруг моё обрубленное чувство собственного достоинства – его фетиш? Вдруг эта моя уродливая культя вызывает в нём нездоровое влечение, и когда он собирался в первый раз лечь со мной в постель, он просто хотел сравнить, а чем такая, как я, отличается от нормальных женщин; хотел узнать, на что такая как я готова пойти, чтобы удержать его.

Мы спускаемся и выходим на улицу. Я рада, что сегодня холодно, и я могу надеть зимнее пальто. Свою куртку придётся выбросить. Её можно починить, но я не хочу, чтобы она напоминала мне о вчерашнем. К тому же сегодня

я бы и так её не надела. Сейчас мы собираемся на встречу с людьми, у которых денег в разы больше, чем у нас с Никитой. И если бы они увидели меня в старенькой курточке, где на месте протёртых лаковых швов кое-где выбивается синтепон, я умерла бы со стыда.

Пока мы идём к машине, Никита поглядывает на прохожих, которые одеты гораздо легче, чем я.

– Мы так и не купили тебе новую куртку, – говорит он серьёзно.

– Ничего страшного. Сезон уже заканчивается, и можно носить пальто.

– Мне очень стыдно перед тобой.

– Ты с ума сошёл?

– Я не могу достойно тебя обеспечить.

– Никита...

– Тебе приходится работать за гроши, приезжать домой и готовить мне еду, хотя ты очень устала...

– Мне приятно делать для тебя хоть что-то.

– Вот, видишь? Ты называешь это «хоть что-то». Другая на твоём месте уже давно бы нашла себе нормального мужика. С твоей внешностью и твоим характером любой, понимаешь, любой мужчина будет у твоих ног. А ты выбрала меня. Неудачника, который третий год не может получить прибавку к зарплате. С которым ты живёшь в съёмной однушке на самом краю Москвы. Который никак не женится на тебе. И ещё этот неудачник не может купить тебе даже куртку,

в которой тебе не стыдно будет появиться в кафе.

– К тому же ты ещё и некрасив, – ворчу я.

– Катя, я серьёзно. Мне... я не знаю, что бы я делал без тебя? Что было бы со мной, если бы мы не встретились? И я ничем не могу тебе отплатить.

Мы садимся в машину, и он молча заводит мотор. Я расстроена. Не выношу этих разговоров. Я чувствую себя полным ничтожеством, когда он начинает передо мной извиняться. Хорошо, что я не рассказала ему про вчерашнее. Он винил бы себя. Впрочем, он виноват. За шампанским можно было отправить того же Лёшу, пока он не уехал.

– Мне не нужно ничем отплачивать, – вздыхаю я.

– Я неправильно выразился, сказал дурацкое слово. Я не то имел в виду.

– Ты хотел сказать, что я много сделала для тебя, и тебе кажется, что ты для меня – меньше. И ты расстраиваешься, потому что не знаешь, как показать мне, насколько я тебе дорога.

Он смотрит на меня с грустью и неизменным восхищением.

– Но... – протягиваю я. Как мне надоело его успокаивать! – Это всё временно. Будет побольше денег, мы и куртку купим, и поженимся. Всё наладится.

– А если не временно?

– Если бы мы не откладывали на свадьбу – было бы гораздо проще. Но ты очень хочешь сделать для меня этот день

достойным, и чтобы всё было красиво, правильно?

– Правильно, ты достойна самого лучшего... А я говорю о том, что и до середины не дотягиваю.

– Смотри... Если бы ты получал бешеные деньги, ну ты-сяч сто пятьдесят в месяц... и при этом не мог бы купить мне куртку за три, это было бы одно дело. Но когда ты везёшь меня в магазин и готов отдать все свои тридцать за какую-нибудь безделушку, потому что я просто посмотрела на неё – это самое главное.

– Но ты всегда отказываешься, – усмехается он.

– Не всегда! – улыбаюсь я и указываю на свои серёжки.

– И только. А так *всегда* отказываешься.

– Дело не в этом. А в том, что я знаю, что если бы я попросила – ты бы это сделал. Я уверена в этом. Уверена в тебе. Это самое главное, разве не так?

– Так. Но Виктор Сергеевич не просил меня покупать ему подарок за треть моей зарплаты, и он ему нафиг не нужен. А я пошёл и купил.

– Это вклад в твоё будущее повышение. И, кстати говоря, если мы и дальше будем тут болтать, то опоздаем – а это очень некрасиво, – я стучу пальцем по циферблату на приборной панели.

– И всё-таки лучше бы я купил тебе куртку, – вздыхает он и трогается с места. – Сам, и тебя не спрашивая. Выбрал бы то, что мне понравилось, а не то, что дешевле, как всегда делаешь ты.

– Вот и сделаешь так со следующей полочки, – улыбаюсь я.

Конечно, он может так сделать, но, скорее всего, я успею его отговорить. Мне, с одной стороны, обидно, что приходится себе во всём отказывать, а с другой – ну если нет возможности, что теперь? Не умру я без новой куртки. Главное – пальто зимнее есть, и выглядит оно очень прилично. А к весне что-нибудь придумаем.

Я смотрю в окно и улыбаюсь грустной осени. Сколько удивительных картин можно было бы написать в этом городе... Предвкушение первого снега. Яркие цвета в одежде прохожих сейчас так отражают это ожидание декабря, когда всё засверкает от рождественских украшений. А когда зима станет заканчиваться, и всё будет стынуть от февральской вьюги, хорошо бы получилась Ирина: где-нибудь в парке, где уже нет новогодних гирлянд, и куда не приходят гулять, потому что холодно – то время, когда все клянут зиму, и хотят, чтобы она поскорее ушла.

Никита сказал, что сегодня Ирина компания выиграла аукцион. Значит, она остаётся в Москве.

– Ирина больше не звонила? – спрашиваю я.

– Нет. Ей нужно найти жильё на долгое время. Но она ещё до приезда говорила, что если всё сложится, то сможет поселиться в квартире своего знакомого, в Алтуфьево.

– Очень интересно: ночью будет спасть со знакомым из Алтуфьево, а утром сосаться у подъезда с водителем Лё-

шей.

– Да что с тобой?

– Меня раздражает, что у неё есть деньги на аренду Audi, на дорогие шмотки и украшения, но лежать эти вещи должны у нас, и спит она тоже у нас.

– Это было всего на одну ночь, Кать.

– Её вещи до сих пор у нас. Раскиданы по всей комнате.

– Она уже сегодня их заберёт.

Я тяжело вздыхаю.

– Она обещала подъехать.

– Кто? Куда? – не поняла я.

– Сюда, в кафе. Хотела переговорить с Виктором Сергеевичем, может, возьмёт нас в качестве субподрядчиков.

Я в ярости! Никита будет проводить с ней весь день, она постоянно будет капать ему на мозги, что я не достойна быть не то что его женой, даже девушкой. Никита очень легко поддаётся давлению. Он очень уважает тех, кто выше его по должности. Даже сейчас, когда кроме меня его никто не слышал, он называл начальника по имени отчеству.

Мы припарковались у кафе, оформленного под старую избушку в лесу. Здесь наверняка подают традиционную русскую кухню. Никите нравится, как я готовлю, но я не умею подавать блюдо в таком красивом виде, как это делают в кафе. Они так аккуратно раскладывают листики зелени вокруг мяса, разливают на окаёмку тарелки соус, а я сразу чувствую себя какой-то ущербной, недостойной есть такую красоту.

По сравнению с такой пищей моя еда выглядит убожеством.

Мы заходим. Я ужасно нервничаю: вот-вот каблук соскользнёт, и нога искривится дугой, а то и вовсе упаду. А ведь я неплохо приноровилась ходить в такой обуви на работе.

За столом, к которому мы направляемся, сидит человек двадцать. Облегченно выдыхаю – смогу затеряться в толпе.

– Он там, справа – Никита склоняется к моему уху. Я узнаю его начальника по огромной чёрной родинке, запутавшейся в седой щетине на левой щеке.

– Надо подойти и поздравить, – шепчу я.

– А это удобно?

– А зачем мы тогда сюда пришли?

Подходим. Никита здоровается с Виктором Сергеевичем, пожимает ему руку и так сгибает колени, что становится ниже его ростом. Просто удивительно, сколько способов придумали люди, чтобы показать своё уважение к вышестоящему человеку. Виктор Сергеевич широко улыбается, принимает подарок: ручку брендовой фирмы и очень дорогую бутылку виски; конечно, не треть зарплаты, как выразился Никита, но за такие деньги мне приходится стоять на ногах по двенадцать часов в сутки по крайне мере недели полторы.

– Ваш муж – очень старательный человек. Его ждёт большое будущее, – неужели это говорят мне?

– Спасибо, – я улыбаюсь в ответ и опускаю глаза.

– Мы ведь взяли его без опыта работы, совсем зелё-

еньким, так сказать. Теперь он инженер с категорией, и в текущем проекте будет осуществлять авторский контроль за внедрением проектируемых объектов.

Я снова благодарю, и поднимаю глаза на Никиту – он светится от счастья. Это всё конечно очень приятно, но где прибавку к зарплате?

– Садитесь, мы сейчас подойдём. С тебя тост, – он указывает на Никиту пальцем и по-доброму улыбается.

– Перестань поправлять платье, и держись прямо. Ты отлично выглядишь, – шепчет Никита, пока мы идём к столу.

Мне всё время кажется, что платье задирается, когда я начинаю делать шаги. И грудь у меня слишком большая, хочется скукожиться и спрятать её в себя. Зачем я купила такое обтягивающее платье? Идиотка!

К сожалению, мы садимся напротив именинника. Я боюсь, что меня начнут спрашивать о чём-то, а я не смогу умно ответить.

– Она выглядит очень вульгарно, – я слышу её голос у самого уха. Она наклонилась к Никите и говорит это настолько громко, что моя соседка поворачивает голову. – Нельзя носить такие длинные серёжки, тебе что, двенадцать лет? – Иринино лицо настолько близко, что если я захочу вцепиться в её нос зубами и вырвать его, мне это удастся легко. – Ну-ка потеснитесь. Слушай, поищи стул, мне надо перекинуться парой слов с братом. У нас намечается серьёзное дело. Давай, давай! Растрясى свой целлюлит.

Я вытягиваюсь, заставляю себя подняться со стула, но мне так тяжело, будто помои, которыми она поливала меня словесно, были настоящими. Мне стыдно и противно от самой себя. Я выхожу из-за стола, она изящно усаживается на мой стул, и уже о чём-то талдычит моему Никите. Мне стоит найти кого-то из обслуживающего персонала, и попросить организовать мне место за столом. Но я ужасно стесняюсь. Дальний столик в углу свободен, и я направляюсь туда за стулом. Слышу за спиной тост. Именинник на месте, все затихли и встали. Мне неудобно сейчас идти туда: каблуки будут слишком громко стучать, стул скрипеть, да ещё надо как-то подвинуть Ирину. Я остаюсь и жду в сторонке, у самого окна. Оглядываю зал. Здесь очень уютно. Тяжёлые шторы цвета краплака – очень глубокий и шершавый оттенок. Стены под дерево, тоже в красно-коричневых тонах, с зелёными вставками. Освещение золотое, очень тёплое. Много отдельных лампочек на потолке, на стенах, на столах, из-за этого создаётся ощущение, что вокруг тысячи свечей, и мы и вправду в какой-то избушке на большом празднике, который собрал всю деревню. Я успокаиваюсь. Тост закончен, гости похлопали и тут же набросились на еду. Над столом нависает шум голосов, смеха, вперемешку со звенящими вилками и тарелками. Никита даже не ищет меня глазами, всё слушает Ирину и иногда отвечает: обычными короткими фразами. Я заметила, что он начинает тараторить, когда отвечает ей. Как будто ему стыдно, что он отнимает её драгоценное время.

Я собираюсь с духом, подтягиваю стул повыше, чтобы он не волочился ножками по полу – Господи, какой тяжёлый. Как я его донесу? Тут встаёт Ирина и объявляет о своём желании сказать тост. Я снова остаюсь на месте.

Она представляется Никитиной сестрой, говорит, что, во-первых, хочет поздравить именинника, а во-вторых... и начинает медленно, растягивая каждое слово, рассказывать о своей фирме, которая сегодня получила право на аренду восьми земельных участков общей площадью 8 тысяч 506 квадратных метров для комплексного освоения в целях жилищного строительства, и т.д., и т. п. Я опускаюсь на стул, который хотела забрать, и разглядываю людей за столом – они слушают её, разинув рот. Никто и вилкой не шевельнёт. Ирина завораживает, как раздувающая капюшон кобра. И всем наплевать, что её пожелание имениннику ограничилось фразой «хочу поздравить», даже самому имениннику уже без разницы. Может им и вправду интересно об этом слушать? Наверняка она делает хорошее предложение, но мне кажется, что сейчас лезть со своими деловыми вопросами как-то... неуместно, что ли.

Наконец она заткнулась, все похлопали, и за столом вновь воцарилось оживление. Ирина встала и обошла стол. Её царственная походка заставляла мужчин в зале сворачивать шеи. Она уже стоит вдвоём с Никитиным начальником, и они что-то с радостью обсуждают. Я с облегчением выдыхаю – мне можно вернуться за стол, пока она занята.

– Ты где была? Я тебя потерял, – Никита обнимает меня и целует в висок.

– Ну конечно, – шиплю я. – Ты даже не обернулся.

Он грустно вздыхает, и отпивает сок из бокала.

– Она делает нам хорошее предложение, – говорит Никита.

– Понятно.

– Тебе совсем неинтересно? Я могу получить повышение, официально. Это значит, что мы накопим гораздо быстрее, чем планировали.

– Это хорошо.

– Ты обиделась на что-то? Катя...

Я не могу оторваться от Виктора Сергеевича – он смотрит на Ирину с таким восхищением, что меня передёргивает. А она всё говорит, говорит, иногда замолкает, чтобы сделать долгий глоток шампанского. Поправляет тонкую линию золотого браслета на запястье. Переставляет ноги накрест, вытягивается ещё выше. Каждый раз, когда она меняет положение тела, его глаза следуют за этим движением, но он заставляет себя снова смотреть ей в лицо. Она очаровала его, как и всех других. Ей покорны любые возрасты, любые мужчины. Да и я не могу оторваться от неё: в ней есть что-то опасное и притягательное одновременно, будто она знает точно, как всё будет, и лучше слушаться её, чтобы всё сложилось правильно. Она ловит мой взгляд, замолкает, наклоняется ближе к Виктору Сергеевичу и что-то говорит ему, не сводя

с меня глаза. Я вижу, как он немного поворачивает голову в мою сторону и смотрит на меня. Смотрит с таким презрением и омерзением, что его рот невольно передёргивается в брезгливой усмешке.

Мне даже страшно представить, что она сказала ему. Мне хотелось бы верить, что он смотрит не на меня, что мне показалось. Но у меня отличное зрение. И ещё я не сомневаюсь в том, что Ирина любым способом вытравит меня из жизни Никиты. Рано или поздно.

– Что? Что такое? – Никита смотрит на меня непонимающе. Я даже не сразу заметила, что вскочила со стула.

– Мне... мне душно, – шепчу я. – Я выйду на пару минут.

Выхожу из кафе, не накинув пальто. Беспомощно верчу головой. Не понимаю, что мне нужно делать, и что хочется. Уже стемнело, и дорога заполнена золотыми и белыми огнями от фар и фонарей. Эти огни расплываются перед моими глазами, потому что подступают слёзы. Вот бы сбежать. Добраться до дома, собрать вещи и уехать от него. Пусть сейчас всё закончится. Не хочу ничего.

Делаю несколько быстрых шагов, но меня останавливает оклик за спиной:

– Эй!

Я замираю, как вкопанная. Меня бросает в дрожь. В голове невольно всплывает картинка из вчерашнего вечера, когда на меня напали. Я вспоминаю голос одного из них. Он кажется мне точно таким же, который я слышала сейчас. Агрес-

сивным, хлёстким, от него кровь стынет в жилах — как будто ударили плетью прямо перед моими ступнями, и я не смею сделать шага вперёд.

— Эй, — снова слышу я, и медленно оборачиваюсь.

В полутьме, между окнами кафе, вижу силуэт мужчины. У его лица клубится дым, который порывистым ветром разбивается на ошмётки и мечется в разные стороны. Он курит. Я вижу оранжевый огонёк, который в темноте кажется электрическим.

— Я тебе, тебе! — кричит он мне. Я начинаю медленно возвращаться, моя голова скользит то в один бок, то в другой, будто если я поменяю ракурс, смогу разглядеть его лицо. Я приближаюсь к нему, и чувствую, как холодеют мои руки.

— Ты вышла из ресторана. Там женщина такая... с золотой змеей на шее. Видела её? Она освободилась? Что она вообще там делает?

— Ты — Лёша?

Он выступает на свет, и я вижу его лицо. На его лбу тень от капюшона толстовки. У него влажные карие глаза, с зеленоватыми вкраплениями. Мой учитель в художественной школе называл такой цвет «Гавана», коричневый с зеленоватым оттенком, залитый холодным серебристым блеском, или попросту табачный. Эти глаза смотрят на меня исподлобья.

— Я тебя не знаю, — говорит он удивлённо.

У него приятный низкий голос, с хрипотцой. И эти две морщинки над переносицей... нравится.

– Я – Катя, девушка Никиты, брата Ирины. Она рассказывала о тебе.

– Правда? – в его голосе проскальзывает надежда. – И что она про меня говорила?

– Что ты её новый любовничек.

Вот же я идиотка! Его лицо становится таким злым, что я даже невольно отступаю.

Я начинаю лепетать:

– То есть она рассказывала, что вы познакомились...

– Так чего там происходит? – перебивает он меня, и отшвыривает сигарету. Она крутится волчком – мой взгляд следует за её полётом, пока она не врежется в припаркованную рядом машину.

– Она разговаривает с начальником, – бормочу я, и медленно возвращаюсь к его лицу. Я как будто наугад выдала ответ на уравнение, и теперь пытаюсь понять, как объяснить алгоритм решения.

– Угу. Понятно, – он поворачивается ко мне спиной и снова уходит в полумрак. Я вижу, как он отстукивает ногой какой-то ритм, нервничает, потом делает несколько суетливых шагов вдоль тротуара. Он расстроен, и злится одновременно.

– Может тебе зайти? – спрашиваю я.

– Не положено.

– По... почему?

– Не положено, – он снова подходит ближе, подаётся головой вперёд так, что его лицо снова освещает настенный фо-

нарь. Его глаза сощурены, губы сжаты. – Таким как я с такими как *вы* за одним столом жрать не положено.

Он отчеканивает каждое слово с такой яростью, что мне становится не по себе. Я отступаю на шаг в растерянности.

– А какие мы *такие*?

– А то ты не знаешь? – он сплёвывает на тротуар. – Вы другого сорта, из другой... как это назвать... касты. Очень мы разные, понятно?

– Что у нас с тобой разного?

– Тебе не пора возвращаться, а? – он раздражённо поднимает брови. – Папик рассердится.

Он посмотрел на меня с такой ненавистью, что я поёжилась.

– Ты меня с кем-то путаешь, – мямлю я.

– Угу, конечно. Сколько раз я себе говорил не связываться с такими, как вы. Почему мне так не везёт? Стою и жду, как собака хозяина, – он бормочет себе под нос, не обращая внимания, что я всё прекрасно слышу.

– Но мы не такие как они, – пытаюсь возмутиться я.

– Кто – мы?

– Я и Никита. Мы не такие как Ирина. Она слишком много о себе возомнила.

Он снова выходит на свет, губы сложены в тонкую, жёсткую линию. В его глазах сверкают молнии. Я вся съёживаюсь от его взгляда, коленки подгибаются.

– Тебе до Иры как до Китая раком, – цедит он. – Ты что

думаешь, разрядилась в дорогие шмотки и стала от этого красивой? Насосала на бирюльки, – он с брезгливым лицом щёлкает меня по серёжке, – и теперь можешь других судить? Шла бы ты...

– Но я не...

– Пошла на... – выплёвывает в меня матное слово, резко подавшись вперёд, и от рывка головы капюшон спадает. Я вижу его короткие, похожие на густую щетину волосы, и уши со скошенными мочками.

Я отступаю на шаг резко, будто меня снова, как вчера, тянут за волосы.

Он там был. У железной дороги вчера. Я видела его вчера. С ними.

Я на ощупь пытаюсь найти прореху распахнутой двери и проскальзываю в неё, не отрывая от него взгляда. Вжимаю голову в плечи. Убыстряю шаг.

Ирина опять сидит рядом с Никитой. Трогаю его за плечо, он оборачивается.

– Тебя так долго не было. Я уже стал волноваться, – он переводит взгляд на Ирину, которая вставать не собирается.

– Поедем, а? Мне нехорошо, – я хмурю брови.

– Надо меру знать, уже взрослая девочка, – Ирина смотрит на меня с улыбкой и стучит пальцами по своей шее, намекая, что я слишком много выпила.

– Ладно, только попрощаюсь с Виктором Сергеевичем, – Никита уходит. Ирина отворачивается и делает вид, что ме-

ня нет рядом. Она уже хохочет над какой-то шуткой, прозвучавшей за столом, и уплетает с моей тарелки аппетитный, блестящий от масла прожаренный кусок мяса. Я могу только догадываться, похожа ли еда в этом кафе на домашнюю, потому что сегодня мне не удалось съесть ни кусочка.

Ирина превратила мой вечер в катастрофу. Но она больше не всемогущая злодейка. Теперь я знаю про неё кое-что. Нечто унижительное. Мужчина, перед которым она в первый же день знакомства раздвинула ноги, оказался ничтожеством. Мелкий воришка, который нападает на незащищенных женщин. Если сегодня он и водил её в ресторан, то за счёт такой же как я она там жрала.

– Ты очень не понравилась Никитину начальнику.

Я опускаю на неё взгляд. Я по-прежнему стою за её спиной, и ей приходится развернуться на стуле боком. Очень непривычно разговаривать с ней так: когда я смотрю на неё сверху вниз.

Она думает, что она самая лучшая. И всё у неё самое лучшее. И Лёша. Я невольно усмехаюсь. А её улыбка исчезает.

– Чему ты улыбаешься? – хмурится она.

Кто-то дотрагивается до моей руки, я машинально дёргаю плечом и сбрасываю чужую ладонь.

– Катя, – Никитин голос звучит испуганно.

Я разворачиваюсь и иду к выходу. Набрасываю пальто на ходу уже на улице. Я не смотрю в ту сторону, где стоял Лёша. Быстро иду к машине.

Никита обгоняет меня и как обычно открывает передо мной дверь. Я сажусь и захлопываю её сама, громко и с чувством. Мне становится легче, как ни странно.

– Ты случайно... не беременна? – Никита поглядывает на меня с подозрением, заводя мотор.

– Нет.

– Я никогда не видел тебя такой... озлобленной.

– Несколько минут назад я была испуганной до смерти.

– Почему?

Я пожимаю плечами и отворачиваюсь.

– Кто тебя напугал?

– А твоя сестра не боится спать с первым встречным? Что она вообще знает про этого Лёшу?

Никита озирается, смотрит в зеркала:

– Ты его видела? Он что-то сказал тебе?

– Нет.

– Я надеюсь, ты не относишься к тому большинству девушек, которые завидуют Ире? – Никита говорит это тихо, и я чувствую в его фразе что-то чужое, для него непривычное. Это она ему наплела, что я завидую её красоте и деньгам. Я уверена в этом на сто процентов! Смотрю на Никиту очень серьёзно. Мне не хочется выяснять с ним отношения. Смысл говорить ему, что он ведёт себя как слабак, идёт на поводу у сестры, слушается её во всём? Он только расстроится, а поменять ничего и никогда не сможет.

Он кладёт руку мне на коленку:

– Тебе надо расслабиться, сейчас приедем и я сделаю тебе массаж, хорошо?

Я изо всех сил пытаюсь переключиться на Никиту, но у меня не получается. Меня внутри будто что-то выжигает. И я просто киваю.

Мы всю оставшуюся дорогу едем молча. Я хотела попробовать подремать, но стоило мне закрыть глаза, как в голову начинали лезть дурацкие воспоминания о сегодняшнем вечере: безволие Никиты, наглость Ирины, презрительный взгляд Виктора Сергеевича, и Лёша – разъярённый и потерянный, такой грубый и такой разочарованный.

Глава 3

Мы входим в пустую квартиру. В нашей комнате, на постели, разложено несколько костюмов в прозрачной упаковке. На прикроватной тумбочке красивым изгибом лежит золотой браслет, по всей его длине идёт несколько ответвлений, на которых висят разные фигурки. Мне даже страшно представить, сколько у неё украшений. И все они настоящие, одежда отутюжена в прачечной, а в комнате пахнет духами: я не знаю, что это за бренд, в нашем магазине такого точно не продают – скорее всего, индивидуальный аромат, составленный из эфирных масел – это очень-очень дорого. Никита прав, я завидую её деньгам. Точнее, она права. Только всё ещё хуже: я знаю, что даже если мне отдать все эти деньги, на меня надеть такую одежду и украшения, я не стану лучше ни на капельку. Я просто из другой касты, как сказал Лёша. Я – беспородная дворовая шавка. Посредственность, ничтожество.

– Давай я помогу тебе раздеться, – Никита выключает свет и подходит сзади, расстёгивает молнию на моём платье, целует меня в плечо. Я знала, что он сейчас так сделает. Он предсказуем для меня больше, чем я сама для себя.

Он осторожно стягивает платье с моих плеч, помогает моим рукам вынырнуть из длинных тесных рукавов, обхватывает мою талию большими тёплыми ладонями, и сам спуска-

ется вниз, ведёт руками по моему телу, пока платье не оказывается у моих ног. Я переступаю через одежду, а он целует мои ягодички через колготки, обхватывает влажными губами складку сбоку, над тонкой резинкой в капроне. Его пальцы пробираются через прозрачную ткань, их трепыхание похоже на взмах крыльев мотылька, и эти движения щекотят меня. Его руки гладкие, мягкие, без заусенцев и мозолей, с коротко постриженными ногтями, с аккуратно подпиленными уголками. Ни единой зазубрены, ни одной неровности, будто даже линий, которые у каждого индивидуальны, нет. Ничего, что цепляет. Ничего, что может принести мне хоть капельку боли. Я почти не чувствую его рук, когда он прикасается ко мне.

Он высвобождает мои бёдра из капрона, стягивает колготки вниз, и целует красную линию, опоясывающую мою талию от нажавшей резинки. Я чувствую, как кожа нагревается и разглаживается под его тёплыми губами. Мне должно быть приятно, что каждый мой недостаток, каждый натёртый участок моего тела, и каждый изъян моей кожи он принимает. Он вкладывает столько заботы в свои поцелуи, что я физически ощущаю его привязанность ко мне, его желание сделать мне хорошо.

Он встаёт, осторожно разворачивает меня к себе, будто кружит в медленном танце. Берёт моё лицо в свои ладони, и слегка наклоняет мою голову так, чтобы я позволила ему поцеловать меня. Его пальцы полгоньку спускаются на мою

шею, на грудь, он обнимает меня за спину, притягивает ближе к себе. Целует самый кончик мочки моего уха, шепчет:

– Будь со мной.

Мне должно это нравится.

Я томно выдыхаю, отвечаю ему поцелуем. Его руки всё ещё на моей спине, он проводит пальцами вдоль позвоночника вниз, снова вверх – его движения едва ощутимы. Расстёгивает лифчик, спускает бретельки с плеч, и моя грудь обнажается, вжимается в твёрдую ткань его пиджака голыми сосками, и они начинают набухать от трения.

Он снова целует меня, только одними губами. Я приоткрываю рот и просовываю язык через его губы. Мы соприкасаемся языками, поглаживаем друг друга ими по очереди. Я чувствую вкус свежей зелени, и грецких орехов.

Расстёгиваю его пиджак, затем пуговицы на рубашке. Он обхватывает пальцами мои соски и поглаживает их, но я ощущаю лишь лёгкую щекотку, и никакого давления, будто он не сжимает их, а лишь проводит по ним подушечками пальцев. Его движения всегда так ласковы. Я каждый раз возбуждаюсь, я жду, что сейчас мне вдруг станет очень хорошо, но... И сейчас я очень возбуждена. Только мне так хочется немного больше силы от него. Я обхватываю его руки своими ладонями, сжимаю пальцы так, чтобы они больше сдавили мою грудь, но стоит мне отпустить его, как он ослабляет нажим, и гладит меня как прежде – нежно и ласково.

Я расстёгиваю его ремень на брюках, он помогает мне раз-

деть себя догола, остаётся только в носках. Обычно я ложусь на кровать и позволяю ему ласкать меня прежде, чем он войдёт. Но сегодня так хочется, чтобы всё было не как обычно. Чтобы было по-другому.

Я опускаюсь на колени. Сажусь попой на пятки. Обхватываю его ногу за щиколотку и тяну вверх.

– Что ты делаешь? – шепчет он.

– Я хочу снять с тебя носки.

– Я сам... я сейчас сниму – он наклоняется.

– Нет, – твёрдо говорю я. – Я всё сама сделаю.

Он поддаётся моим рукам, я ставлю его ступню к себе на коленку, запускаю пальцы между тканью и его ногой, и стягиваю носок. Глажу его пальцы. Я чувствую, как он подрагивает от моих прикосновений, и тянет ногу назад. Я позволяю ему поставить ступню на пол, потом освобождаю его вторую ногу от носка. Он тянет ко мне руки и хочет поднять, но я убираю их.

– Нет, я хочу взять твой член в рот.

Никита молчит. Я знаю, что он хочет возразить мне, но не осмеливается. Он не любит, когда ему делают минет. Он считает, что это унижает женщину.

Я поднимаю попу с пяток, тянусь вверх, к его члену. Осторожно обхватываю его рукой, провожу большим пальцем по головке – она такая чувствительная. Я ощущаю, как Никита подрагивает от моих прикосновений всем телом. Мне хочется, чтобы она стала блестящей от влаги, хочется об-

лизать её, намочить слюной так, чтобы жидкость стекала по всему его члену струйкой, сверху вниз, щекотала его яички, и чтобы капля упала на паркет шумно в этой пустой комнате. Я хочу взять его член в рот тихо, водить по нему губами и языком неслышно, будто в квартире есть кто-то ещё, и он не должен ничего узнать. Я выталкиваю кончик языка, напрягаю его, и дотрагиваюсь до самого кончика головки. Никита так сосредоточен на моих движениях, что всё его тело вытягивается, твердеет. Я размыкаю губы и медленно погружаю его член в свой рот, я обхватываю его ягодицы руками, и тяну на себя. Я хочу, чтобы он помог мне, сделал движение навстречу. Но он так крепко стоит на ногах, будто врос в пол. Чувствую, как его головка упирается в моё нёбо, я подаюсь вперёд, чтобы продвинуть его член глубже, и он касается язычка у входа в горло. Мне хочется откашляться, но я терплю. Нет, не могу...

Выпускаю его, заглатываю воздух распахнутым ртом. Никита кладёт ладони на мою голову, я чувствую, как подрагивают его пальцы. Он хочет, чтобы я встала? Или он хочет сдвинуть мою голову вперёд, чтобы я снова взяла его? Вот бы спросить его... Хочу ещё облизывать его, хочу попробовать засунуть его поглубже, чтобы он целиком поместился в меня, чтобы я не смогла сделать вдох.

Я снова открываю рот, обливаю его член слюной, скольжу языком по всей его длине. Никита стонет, и этот звук в тихой комнате проливается на меня сладкой музыкой. Хочу, чтобы

ему было хорошо. Тогда станет хорошо и мне.

Снова облизываю его, теперь он достаточно мокрый, чтобы легко проскользнуть внутрь меня. И я погружаю его в свой рот, но не могу сдвинуть его дальше, чем в прошлый раз. Я поднимаю глаза на Никиту, он смотрит на меня. Его глаза широко распахнуты, рот полуоткрыт, и губы подрагивают от напряжения. Он смущённо отводит глаза. Тебе нравится. Ну же, скажи это! Скажи, что хочешь засунуть его глубже. Обхвати мою голову руками крепко, и продвинь его дальше, чем я могу...

Он молчит, а между моими губами и основанием его члена ещё два пальца. Я отвожу голову назад, не выпуская его из себя полностью. Обвожу языком вокруг несколько раз. Я будто считаю секунды перед стартом. Пытаюсь немного вытянуть тело вверх, а голову опустить ниже, чтобы двигаться на него сверху вниз. Тогда член не будет упираться в нёбо, не будет натирать стенки горла, и я смогу протолкнуть его глубже. Три, два, один. Я начинаю двигаться, будто соскальзываю вниз. Он всё равно упирается в моё горло, и я не сдерживаю приступ кашля. Из меня вырываются отталкивающие звуки, будто я подавилась комком волос, и пытаюсь выплюнуть его. Я резко подаюсь назад, выпускаю член изо рта и откашливаюсь. Чувствую, что на мой лоб и волосы падают капли. Он кончил. На головке набухает последняя капля. Я прильнула к ней губами, приложила самый кончик языка. Она проскользнула в мой рот, смешалась со слюной, обволокла

язык – солёная, с металлическим привкусом. Я чувствовала такое ощущение во рту, когда обжигала руки горячим маслом.

Прижимаюсь к нему щекой. Слушаю, как он дышит. Мне так приятно, что я смогла доставить ему удовольствие. Больше удовольствия, чем получила сама. Но я никогда не чувствовала себя такой удовлетворённой с ним, как сейчас.

Он нащупывает мои руки, как будто мы в крошечной темноте, и он не может разглядеть меня, и осторожно тянет вверх. Я встаю на ноги. Смотрю ему в глаза.

– Тебе понравилось? – я улыбаюсь.

– Мне... я... ты... – он замолкает, обнимает меня. Я утыкаюсь лбом в его грудь, и он целует меня в висок. Я чувствую себя немного разочарованной.

– Наверное, скоро приедет Ирина, – я отстраняюсь. – Давай оденемся. Ты не голоден? Я не успела ни кусочка съесть в ресторане.

Включаю свет. Ищу в шкафу Никитину футболку, которая, придя в негодность, перешла в ряды моей домашней одежды. Для меня его футболки как платья.

– Что это?

Я ловлю его взгляд в отражении прямоугольного зеркала распахнутой двери. Прикрываю грудь и правую ключицу серой тканью. Поздно. Заметил.

– Пустяки, – бормочу я.

– Дай посмотрю. Где ты так порезалась? А главное – каким

образом?

– Неудачно упала.

– А можно удачно упасть? – он с обеспокоенным видом проводит большим пальцем в стороне от пореза.

– Можно и удачно. В твои объятия, например, – я растягиваю улыбку, быстро целую его в щёку, встав на цыпочки, и выскальзываю из его рук. Одеваюсь.

– И всё же?

– Да правда пустяки. В кладовке на работе свалилась, там как раз эти привезли... ну, новые уголки для колонн. Они металлические, и лежали острым ребром вверх. Так ты голоден?

– Нет, я не голоден, – Никита выравнивает брюки по стрелочкам, перекидывает их через основание вешалки, надевает сверху пиджак, смахивает ворсинки на рукавах, и убирает костюм в шкаф.

– Скажи мне хотя бы, что еда там невкусная. Я не так расстроюсь, – выхожу на кухню.

– Совсем невкусная! – кричит он мне из комнаты, пока я разогреваю себе ужин. – Но если хочешь, мы можем сходить туда вдвоём, и ты сама всё проверишь, – он выходит на кухню и ставит чайник. Садится на кушетку, а я встаю напротив и опираюсь на стол, смотрю на него.

Он молчит, и не улыбается. Разглядывает меня так, будто видит первый раз в жизни.

– Тебе не понравилось, – догадываюсь я. – То, что я для

тебя сейчас сделала.

– Понравилось.

– Зачем обманываешь?

– Нет, правда. Мне очень-очень понравилось, просто...

ты же знаешь...

– Не понимаю, что в этом такого? – я отхожу к плите и переворачиваю мясо на другую сторону, закрываю сковородку крышкой. Хорошо бы нам купить микроволновку.

– Дело не в этом. Я сейчас о другом думаю, – осторожно протягивает он.

– О чём?

– Ты какая-то не такая.

– Давно?

– Нет. С тех пор как Ира приехала.

– Вот ты сам и ответил на свой вопрос, – я выключаю газ и перекладываю мясо на тарелку. – Точно не проголодался? Могу поделиться.

Он мотает головой и замолкает. Всё рассматривает меня.

– Ну перестань, а! – не выдерживаю я.

– Вчера ты не так реагировала на неё.

– Значит, я поменялась. Что, разве так не бывает?

– За одни сутки?

Раздаётся звонок в дверь. Никита идёт открывать. Я слышу её голос в коридоре: звонкий, дребезжащий, распиливающий воздух. Не буду выходить к ней.

Я доедаю мясо как можно медленнее. Мне не хочется ви-

дочь её, и я готова заняться чем угодно, лишь бы у меня была причина не выходить из кухни. Мою посуду. Поправляю стол, чтобы он стоял ровнее. И плита как назло чистая. Может, помыть холодильник?

– Всё, я поехала. Завтра увидимся, – она говорит это Никите, и дверь захлопывается. Мне теперь обидно, что она не попрощалась со мной. Я снова чувствую себя пустым местом.

– Мы будем работать вместе, – заявляет Никита, переступая порог кухни.

– Мне прыгать до потолка от радости?

– Вот, я об этом говорю. В тебя будто демон вселился.

Он подходит ко мне, обнимает меня, и опять целует в висок. Как же меня раздражает эта его манера целовать меня в висок! Как будто я больна, и он знает о том, что я скоро умру, а я не знаю.

Никита теперь пропадает по вечерам то по делам в офисе, то по каким-то поручениям своей ненаглядной сестры. Я никак не могу понять, почему она позволяет Лёше кататься на машине, аренду которой оплачивает, неизвестно где и с кем, а сама требует от Никиты возить её: за продуктами, за шмотками, в магазин бытовой техники. Больше всего меня раздражает то, что во время этих поездок они обсуждают нашу с Никитой жизнь. Я уверена, что она убеждает его бросить меня. Я уверена в этом на сто процентов. Я даже могу

точно сказать, какие именно фразы, которые он говорит мне, до этого ему говорила она. Он начал упрекать меня...

Вот, например, вчера. Я как обычно включила перед сном телевизор. Никита вытянулся вдоль кровати на животе, и что-то искал в интернете. Я легла поперёк, положив на его ноги подушку, и облокотилась на него. Мне тепло, уютно – всё было замечательно. И вдруг.

– Зачем ты это смотришь? – спрашивает он. Я поворачиваю к нему голову. Никита с грустью рассматривает актёров, выясняющих отношения в одном из тех редких сериалов, которые я смотрю. – Они совершенно не умеют играть. И эти глупые сюжеты – чему ты научишься, если будешь смотреть такие... низкопробные вещи?

– Я не понимаю, почему я обязательно должна чему-то учиться, когда смотрю телевизор? Я просто хочу отдохнуть после рабочего дня. Ни о чём не думать.

– А когда ты думаешь?

Вот такая фраза, например, точно ему не принадлежит. Это всё Ирина.

– У тебя же не интеллектуальная работа, – продолжает он. – И досуг ты могла бы использовать для чего-нибудь более полезного. Читать, например.

– Я не хочу читать, я устала.

– Понятно.

– Раньше тебя не раздражало, что я смотрю эти сериалы. Что изменилось?

– Ничего, – он вздыхает. – К сожалению, ничего не изменилось.

– И что значит: «у тебя не интеллектуальная работа»? Хочешь сказать, что мне легче, чем тебе?

– Нет. Я говорил не об этом. Давай закроем тему, – Никита снова поворачивается к ноутбуку.

Мне хочется выключить телевизор и выяснить отношения. Но смысл? Он скажет, что я не так его поняла, или извинится и признает, что был не прав.

Я пытаюсь сосредоточиться на сериале, но ничего не выходит. Мне даже становится неинтересно, чем закончится серия. Начинаю щёлкать каналами. Когда попадаю на рекламу, телевизор начинает работать громче, и я ощущаю, как Никита ёрзает под моим телом.

– Тебе мешает? – спрашиваю я.

– Да. Спасибо.

Наверное, это значит, что я должна выключить телевизор, или сделать звук потише. Я выключаю его и молча смотрю в чёрный экран. Это очень скучное занятие. Но мне не хочется ничего. Я могу пойти поесть, могу выпить чай, могу лечь спать. Но я *ничего* не хочу. И разговаривать с ним не хочу. Мне всё равно, что между нами пробежал холодок. Кажется, мне даже всё равно, если он бросит меня. Тогда почему меня так заедает, что Ирина капает ему на мозг?

Он закрывает ноутбук.

– Я хочу встать, – он смотрит на меня через плечо, и по-

дёргивает ногами.

Я слезаю с кровати и встаю к нему спиной.

– Ты могла бы смотреть что-нибудь на ноутбуке. Хотя бы сама делать выбор, а не тупо пялиться в экран телевизора, потому что кто-то решил за тебя, что ты должна смотреть.

– Ты же сам говорил, что он нужен тебе для работы, и его нельзя использовать для развлечений.

– Я этого не говорил.

Что за бессмысленный разговор с дурными упрёками?

– Ты жаловался, что со мной что-то происходит. А сам?

– Всё как обычно, – он пожимает плечами.

– Нет. Уже неделю всё не как обычно. Она плохо на тебя влияет, – я чувствую, что мои губы надуваются от обиды. Мне хочется поплакать.

– Кто?

– Сам знаешь кто.

Он встаёт с кровати, кладёт ноутбук на сервант и возвращается ко мне. Смотрит мне в глаза.

– Я обидел тебя чем-то? – смотрит ещё внимательнее. – У тебя глаза на мокром месте, – гладит меня по щекам.

– Что-то не так, – шепчу я, но сдерживаю слёзы.

– Наверное, просто неделя была очень тяжёлой, мы ведь начали новый проект, – он обнимает меня, гладит по голове. – Извини меня. Ты можешь сама распоряжаться своим временем. Я был не прав.

Вот, пожалуйста. И так каждый раз. Раньше он извинял-

ся за свои слова, а теперь извиняется ещё и за Ирину, когда говорит её фразами и обижает меня. А у неё всё зашибись! Выльет свою желчь на него, за моей спиной наговорит гадостей – и ей хорошо. Ночью с ней мужчина, который ей нравится. Ей внимание со всех сторон: и от Никиты, и от Лёши. Почему одним всё, а мне – ничего? Пустота. И холод.

Я пытаюсь согреть руки дыханием. Я ужасно замёрзла. К горлу подступают сопли, я шмыгаю носом каждую минуту. И перчатки я забыла вчера на работе, мои руки красные, как варёные раки. Прячу ладони в рукава, повесив тяжёлую сумку на запястье – она всё время соскальзывает на сгиб локтя и сдавливает мою руку так, что всё немеет. И очень хочется есть.

Я жду Никиту уже больше часа у его работы, потому что он опять куда-то отлучился с Ириной, встал в пробку, и каждые двадцать минут говорит мне, что скоро будет.

– Прости меня, пожалуйста, – Никита хватает меня за руки, целует мои ледяные пальцы. – Ты совсем замёрзла. Надо было сказать тебе, чтобы ты зашла в здание. Прости.

Я шмыгаю носом, и смотрю на Ирину за его спиной. Она с кем-то треплется по телефону, ой, простите, решает важные деловые вопросы.

– Ты наверняка заболела, – он трогает мой лоб. – Пойдём внутрь, я сделаю тебе горячий чай.

– Я очень хочу домой. И я очень голодная, – жалобно смотрю на него снизу вверх.

– Мы что-нибудь придумаем. Идём.

Мы заходим в здание. Ирина остаётся на улице, продолжая телефонный разговор.

– Смотри, у нас есть пирог, – Никита вытаскивает из шкафа у окна коробку с тортом «Птичье молоко». Ставит кипятиться чайник. – Я сейчас. Я быстро, – и выбегает с чашкой из кабинета.

Я сажусь за стол, который ближе всего к двери, и оглядываюсь по сторонам. Я никогда не была в его офисе. Да и вообще в таких местах не бывала. Здесь большое помещение, много столов, на некоторых стоят большие плоские мониторы. В шкафах, расположенных вдоль стен, огромные разноцветные папки. Сейчас здесь никого нет, кроме нас. Освещение тусклое из-за того, что не все лампочки включены. Мне здесь нравится. Я бы хотела побывать здесь днём, когда все чем-то заняты, разговаривают по телефону, строят чертежи в компьютерах, разговаривают на непонятном мне языке. И все очень серьёзные, даже не шутят во время работы. Но как только начинается обеденный перерыв, коллеги становятся друзьями, обсуждают планы на выходные, или проведённый на курорте отпуск. Наверное, всё так. Люди здесь как актёры: строгие, умные, чужие друг другу, пока идёт рабочий процесс; а между часом дня и двумя они словно перебираются за кулисы на время антракта, и всё меняется. Может быть даже у кого-то здесь служебные романы крутятся. Эти независимые, идеально причёсанные и одетые

в выглаженные строгие костюмы женщины, которые работают здесь секретарями, бухгалтерами – наверняка они привлекают мужчин гораздо больше, чем девочки из сферы обслуживания вроде меня. К таким «офисным» женщинам нужен особый подход, их нужно добиваться, суметь заинтересовать. Они ходят на выставки, посещают только разрекламированные в модных журналах кафе, читают бестселлеры. А что я? Ничего не читаю, ничего не умею, ничего из себя не представляю. Вот бы хоть на несколько часов стать такой женщиной, как Никитины коллеги, как Ирина.

Она заходит вместе с Никитой, который открывает перед ней дверь.

– Мне даже хотелось избавиться от него вчера, – она недовольна. – Он не понимает, что водитель должен послушно ждать меня там, где мне угодно, и столько, сколько я хочу. Это его работа.

– Он просто ревнует тебя к мужикам, которым, в отличие от него, есть что тебе предложить, – Никита ставит передо мной помытую чашку. Забрасывает туда пакетик с чаем и заливает кипятком. – Вот, пей. Только осторожно, очень горячий. Сейчас пирог отрежу, – он идёт к шкафу, откуда доставал чашки и торт, и вытаскивает оттуда блюдо. – Ты не будешь? – спрашивает у Ирины, та с отвращением смотрит на коробку и мотает головой. – Значит, ты собираешься уволить своего водителя? – Никита садится за стол напротив меня, и аккуратно складывает руки перед собой, как школь-

ник, который задал уточняющий вопрос учителю, чтобы выпендриться, и будет теперь с большим вниманием слушать ответ и кивать головой.

– Он оказался не таким, как я думала, – Ирина закидывает ногу на ногу, её обтягивающая юбка немного задирается, и кромка кружевной подкладки ложится на её острые колени нежной волной. Она откидывается назад, опирается локтями о стол позади неё. В её позе столько достоинства и превосходства, что какие бы слова не вываливались из её рта, она притягательна, она завораживает. Ей прекрасно видно нас обоих: я сижу почти напротив, Никита немного левее. Но смотрит она на него, повернувшись ко мне в профиль. – Он слабый. Податливый. Он делает всё, что я говорю. Хочу видеть его в три часа ночи – приезжает. Пока он едет, я передумываю, и отправляю его обратно. Хочу, чтобы он остался у меня на ночь – остаётся. Мне мало места на кровати – садится в кресло и засыпает там. Даю ему деньги – берёт. Не даю – не просит. Он как собака: можно говорить ему что угодно, главное – нежным голосом и с улыбкой, и он виляет хвостом на слово «мудак» как на «солнышко моё».

– Если бы он так не делал, был бы послан тобой далеко и навсегда. Ты не любишь, когда тебе перечат. И в этом вся ты. Должно быть только по-твоему. И твоё упрямство меня всегда восхищало, – Никита просто напрашивается на косточку. Да они все рядом с ней превращаются в псарню.

– Меня это не возбуждает, – Ирина переводит взгляд

на меня. – Что, интересно слушать? Прямо как в «Доме-2», а?

– Я не смотрю «Дом-2», – говорю тихо.

– Что-что? – переспрашивает она. Я молча опускаю голову. – Ты всегда бормочешь себе под нос. Как ты вообще людям свой ширпотреб продаёшь? Они, наверное, покупают из жалости.

Я продолжаю молчать. И даже не смотрю на Никиту. Ему сейчас очень неловко, потому что опять надо сделать вид, что ничего обидного мне не сказали. И перевести тему.

– Нет, пока я не буду его бросать, – вздыхает Ирина. – Мне нравится содержать его. Он такой молоденький. Только подумать: мой любовник младше меня на двенадцать лет! Такого со мной ещё не бывало! Я чувствую себя голливудским продюсером. К тому же я планирую съездить в Питер. Возьму его с собой. Он никогда нигде не был дальше Подмосковья. Он описается от радости! – Ирина взрывается от смеха, и пустая комната трещит по швам от её гогота. В такие минуты мне хочется верить, что Ад существует – только для того, чтобы она попала туда.

Раздаётся звонок. У неё не стоит никакой мелодии на этот номер, стандартный писк смешивается с вибрацией тонкого смартфона, блестящего от голубеньких неоновых огней вокруг экрана. Она поднимает его со стола большим и безымянным пальцами, касается корпуса самыми кончиками, как будто только что накрасила ногти, и боится смазать лак. Го-

ворит короткие «да» и «да», и возвращает телефон на стол.
– Сейчас поднимется, – она ухмыляется.

Зачем она всё это делает? Ему нужно припарковаться, подняться сюда, подождать, пока она оденется. Наверное, он должен будет помочь ей накинуть пальто. Зачем всё это нужно? Из раза в раз показывать своё превосходство над теми, кто ниже её по материальному статусу. Разве она не унижает себя тем, что унижает своего мужчину? Ведь он как никак её мужчина? Пусть и на время. Но она целует его, раздвигает перед ним ноги, впускает его в себя. В её жизни есть минуты, когда она принадлежит ему. Как можно вести себя с ним по-свински?

Лёша заходит.

– Я тебе что говорила? – она даже не поворачивает к нему голову, смотрит на меня, будто говорит это мне. И молчит. Я перевожу взгляд на Лёшу – он стоит в дверях и не смеет перешагнуть порог. – Что я тебе говорила, спрашиваю?

Тишина в ответ.

– Вот идиот, – она говорит это спокойно, с улыбкой, как будто называет его «солнышком». – Сту-чать-ся.

Дверь закрывается. Раздаётся стук.

– Да-да, можно.

Он заходит.

– Отлично. Заждалась тебя.

Ирина встаёт, обнимает его за шею, немного сгибает колени и целует его в щёку.

– Помоги мне одеться, – шепчет она ему на ухо очень ласково. Кажется, это называется «кнутом и пряником»?

Она поворачивается ко мне лицом и улыбается, пока Лёша помогает ей накинуть пальто. Встаёт рядом с ней. Его глаза опущены в пол.

– Ну, пошевеливайтесь. Или вы тут остаётесь? – она поворачивает голову к Никите. Я встаю, и встречаюсь с Лёшей взглядом. Мы молча смотрим друг на друга несколько секунд. Я не могу оторваться от его глаз, я будто хочу что-то сказать ему. Как я сочувствую ему, например. И что он заслуживает лучшего. Я даже размыкаю губы, потому что эти слова готовы слететь с языка: «Ты – замечательный. Не слушай её». Но я, конечно, не могу этого сказать. И мы продолжаем молчать. Он отводит глаза, и мне становится немного грустно.

Мы едем домой, и Никита молчит. Я чувствую, что он напряжён, и хочет как-то извиниться передо мной в очередной раз. Он не говорит прямо: извини, я должен был защитить тебя перед ней. Он пытается оправдать её поведение тем, что у неё такой характер. Отлично, давайте я тоже накосячу, изменю ему, например, с первым встречным, и скажу: ну ты не принимай близко к сердцу, такой вот у меня характер, что поделать.

Я никак не могу выкинуть Лёшу из головы. Вспоминаю его сегодня. Он был без куртки, в вязаном свитере цвета аракатской зелени. Этот цвет придавал его глазам более тёп-

лый оттенок, чем это было, когда мы встретились у кафе. Я смогла разглядеть его фигуру. Коренастое тело, мощная спина; рукава были засучены – бледная кожа на руках, и жилки выступают. У него странное лицо. Кожа обтягивает череп до предела, высокие скулы выпирают так, будто косточки сейчас уколут. Сегодня его рот оставался непогрешимой горизонтальной линией. А умеет ли он улыбаться по-настоящему? Кажется, что если он натянет уголки губ вверх – щёки разойдутся по швам, кожа лопнет, и он обнажит длинные, опасные зубы. В нём действительно есть что-то от пса, породистого, бойцового, питбуля, например: может, из-за нешироких глаз, злых, сощуренных, а может из-за того, что мочки будто обрублены, делают резкую диагональ от середины уха к черепу. Его короткие волосы золотистые и густые. Я могу представить, как эта щетина колет ладони, если гладить его «против шерсти». Он кажется всё время напряжённым, подозрительным, готовым к тому, чтобы дать отпор. Впрочем, скорее он готов напасть сам. Но кое-что мне очень нравится в его лице – это вертикальные морщинки, когда он хмурится. Когда он задумывается о чём-то, эти прорези образуют бугорки между собой – в этом есть что-то от свирепого животного. Такой Лёша совсем не похож на того человека из историй Ирины. Рядом с ней он превращается из одинокого и сурового волка в преданного пса. Почему так? За что ему это?

Мне жалко его. Я понимаю, что это ненормально. Учиты-

вая, что он напал на меня. Но это из-за неё. Она ведь понимала, что у него нет денег. А он готов был сделать всё что угодно, лишь бы достать их для неё, и не ударить перед ней в грязь лицом. У него всё должно быть не так, как сложилось. Из-за неё всё неправильно, вверх дном. Он кажется мне таким сильным, таким... мужественным. Я вспоминаю наш разговор у кафе, но вижу теперь совсем другое. Он был в ярости, и от этого глаза его горели. Блестели серебристыми искрами. Он был очень красив тогда. *Он* должен быть хозяином, а не наоборот. Он посчитал меня за такую же, как она. Но я из другой касты. Я – из его касты. Мне бы хотелось, чтобы он понял это.

Люблю четверг – обычно в вечер этого дня показывают интересные фильмы, потому что у нормальных людей рабочая неделя подходит к концу, и можно позволить себе немного припоздниться со сном. Я не знаю, раньше мне нравилось, что я работаю два через два. У всех понедельник, а у меня может быть выходной. К тому же в моей сфере суббота и воскресенье самые активные дни, время пролетает незаметно. Но после того, как Никита сказал, что у меня «не интеллектуальная работа», я стала относиться к ней... не то чтобы хуже. Просто теперь мне кажется, что я занимаюсь чем-то несерьёзным. И сама я от этого становлюсь какой-то ненужной. Что случится, если я вдруг не выйду на работу и не продам пару лишних склянок? Никто от этого

не пострадает. Девочка, которая выйдет на замену, получит побольше денег. Покупатели останутся довольны в любом случае: есть я, нет меня – какая разница? Да, я заменяема. Любая студентка может выполнять мою работу... конечно, придётся немного подучиться, но... А Никита – совсем другое дело. Он закончил институт. Он начал строить карьеру с самой низшей ступени, и у него есть перспективы. Он всё время учится, ему есть, куда стремиться. И он может увидеть результат: правильно сделал свою работу – в построенном сооружении работает водоснабжение, много раз делал свою работу правильно – получай повышение и прибавку к зарплате. И если он заболеет, работа в их офисе застопорится. А если он захочет уволиться, ему наверняка предложат какие-нибудь бонусы, чтобы он остался. Он нужен. А я получу зелёный свет, как только заикнусь об уходе. Мне ведь даже заявление не придётся писать, наверное. Я и работаю-то без трудовой книжки. И движения вперёд у меня нет никакого. Всё бессмысленно...

Никита снимает джинсы и забирается на кровать, садится сзади меня, подбирает под себя длинные худые ноги. Он трогает мои волосы, раздвигает их, и они падают на мою грудь. Он кладёт руки на мои плечи и растирает их, нежными, но упорными движениями. Я расслабляюсь, закидываю назад голову.

– Ты устала? – шепчет он.

– Да, есть немного.

– Ты вся напряжена. Что больше всего устало? Ножки?

Я киваю. Он отпускает мои плечи, слезает с кровати и устраивается на полу. Обхватывает мои щиколотки, осторожно тянет меня на себя, и я спускаю босые ступни на паркет. Он поднимает мою правую ногу обеими руками, ставит на свою согнутую коленку, и гладит меня, будто прощупывает пальцами весь участок от коленки до кончиков пальцев в поисках какого-то предмета в моей коже. Эти поглаживания в одном ритме успокаивают меня и расслабляют. Но голова продолжает перебирать мысли. Я снова думаю про Ирину. Думаю о том, чем она занимается на работе. Я даже не понимаю, как называется её профессия. Наверное, что-то вроде работы с клиентами. Она общается с теми, кто будет выполнять работу для их фирмы, она же ездит в серьёзные государственные учреждения, чтобы уладить вопросы с документами, она крутится у Никиты в офисе, а вчера он возил её на будущую стройплощадку. Она вездесущая, она всё контролирует, все знают её. Интересно, она спит со своим начальником? И как она всё успевает? А у нас заканчивается мясо в морозилке.

– Мы поедem в Ашан в субботу? – спрашиваю я у Никиты.

Он поднимает на меня голову, не останавливая движений рук.

– Я не знаю. Возможно, мне придётся ехать в офис.

– В субботу?!

– Ну да. Ира очень помогает мне. Она умеет сводить лю-

дей, рекламировать одних другим. Я в этом деле полный ноль, поэтому и сижу на той же должности несколько лет, хотя уже давно выполняю обязанности, за которые мне следует платить как минимум в два раза больше.

Меня передёргивает, когда он хвалит её. Сейчас получится, что мы ей всем обязаны. И она такая вся из себя самая лучшая, а я не поддерживала Никиту всё это время, ни в чём себе не отказывала ради него. Терпеть не могу, когда так происходит.

– Может быть, попробуем завтра съездить, после моей работы. Ира завтра идёт в театр...

Меня опять передёргивает. Никита продолжает:

– Её будет возить её водитель, так что я точно не задержусь нигде, как вышло в прошлый раз. Мне до сих пор стыдно перед тобой... Ты же дома завтра? Приедешь ко мне... или я сам заеду за тобой.

– Нет, завтра я на работе.

Её водитель... Она возьмёт его с собой в театр, или оставит ждать в машине до конца спектакля? Подумаешь, несколько часов, всего-то. Бедный Лёша... А может и вправду возьмёт его с собой. Пытаюсь представить его в костюме, ведь он же не пойдёт в театр в джинсах. Наверное, ему идёт костюм. Никита выглядит в нём ужасно. Он такой длинный и неуклюжий. А Лёша... он серьёзный, хмурит брови, он строгий...

– Тогда я посижу в офисе, и заберу тебя. Пойдёт? – Ники-

та всё ещё планирует наш завтрашний вечер.

Я киваю. И сравниваю в своей голове жизни двух женщин: я и Ирина. Я с раннего утра на ногах. Подогреваю Никите завтрак, делаю ему горячий кофе; выталкиваю себя в промозглое ноябрьское утро, выбрасываю по дороге мусор, семеню в своих уггах по ледяному неровному тротуару, промерзаю насквозь; втискиваюсь в душную маршрутку, в метро дышу запахом пота, мне наступают на ноги, пятнадцать минут пешкодралом до нашего торгового центра – ветер дует мне в лицо так, что трудно делать вдох, щёки щипает, руки под рукавами покрываются мурашками; захожу в наш магазин, снимаю одежду, и синтетический шарф притягивает мои волосы к себе, они торчат дыбом и потрескивают, я пытаюсь причесать их, быстро крашусь – моё лицо должно быть ровного цвета, глаза подведены тушью и тенями, и обязательно помада, влезаю в сменные туфли на толстом каблуке – я купила их за полторы тысячи прошлым летом, и они держатся удивительно долго, хотя и приходится подмазывать чёрным карандашом каблук, протёртые до белой пластмассы; выхожу в зал – он блестит от огней и разноцветного стекла, я протираю полки – запах средства для полировки будет выветриваться с моих рук несколько часов, Лена рассказывает мне очередную байку из их семейной жизни с гражданским мужем и его родственниками; первые клиенты – я продаю косметику подросткам с утиными губками в зауженных джинсах, тёткам в синтепоновых пальто, мужчинам в нечи-

щенной обуви, улыбаюсь им всем так, будто они важные люди (день тянется медленно, покупателей не много, через стеклянные двери вестибюля видно, как на улице темнеет), покупателей становится всё больше, затем снова меньше, наконец, мы закрываем кассу и я быстренько мою пол; Ленка махает мне рукой на прощание, а я ищу Никиту – он стоит где-то на парковке, и ориентирует меня по телефону, я сажусь в его потёртую Daewoo, и мы едем в Ашан (он рассказывает мне о том, что было у него на работе, я пересказываю Ленкины байки); мы ходим по магазину по одному и тому же маршруту, Никита включает калькулятор на телефоне, чтобы мы не выбились из бюджета, стоим в очереди на кассу – обычно к этому времени темы для разговоров между нами иссякают, и мы молчим (разве что несколько комментариев: «скорей бы домой», «как быстро сегодня стемнело», «было очень холодно утром», «вот бы выходные тянулись так долго, как очередь у кассы»); едем домой молча, я могу немного вздремнуть, потом Никита несёт сумки, а я плетусь за ним; разбираем пакеты; готовимся ко сну – скорее всего, нам даже не хватит сил и времени попятиться в телевизор; я погружаюсь в темноту, выключив светильник на прикроватной тумбочке, закрываю глаза. Моя жизнь похожа на кусок металлической трубы, оторванной от какого-то неведомого мне устройства: холодная, серая, однообразная, с острыми краями на концах.

Вот так пройдёт мой завтрашний день... А сейчас Никита

уже тихо посапывает рядом. Он такой хороший – сделал мне массаж, поцеловал в щёку, и вежливо предложил: «ну что, пора укладываться баиньки?»

Я лежу в темноте с открытыми глазами. Очертания предметов в комнате начинают постепенно проявляться. Матвей Константинович рассказывал нам в художке, что человеческий глаз привыкает к темноте гораздо медленнее, чем к свету. Когда человек выходит из темноты, он может различать цвета и формы в совершенстве всего через пять минут. Я подумала тогда: как здорово, как быстро человек начинает чувствовать лучше, острее, сильнее. Но всё оказалось наоборот. Для меня было удивительно, что чувствительность глаза при освещении должна снижаться. Мы должны меньше стараться, чтобы нормально различать всё вокруг. Я никак не могла понять – ведь так сложно опознавать цвета, не потеряться в их многообразии, так много надо думать, когда видишь всё при свете. А оказалось, что для полноценного зрения после перехода из темноты к свету нужно просто подождать, просто лениво ждать и ничего не делать... Разве это не глупо? ...зато когда свет гаснет, глаза начинают работать по-настоящему. Зрение напрягается, чувствительность возрастает, очень много сил наше тело затрачивает на то, чтобы где-то через тридцать минут непрерывной работы мы смогли различать в антрацитовый бездне углы и округлости, диагонали и вертикали, и узнавать в этих геометрических фигурах то, что при свете кажется нам очевидным с первой секунды.

Я уже различаю все ахроматические цвета: чёрный, серый, белый. Значит, я лежу без сна уже с полчаса. Короткая стрелка часов начала переваливать за цифру двенадцать. Я опять не выплусь. Ну же, закрывай свои бестолковые глаза!

Я хотела сравнить себя и её. Как она встречает утро? Её будит Лёша. Он выключает будильник раньше, чем она услышит его. Смотрит, как она спит. Его губы растягивает улыбка. Он опирается на локоть, и мышцы на его руке напрягаются, жилки набухают. На улице уже светает, через прорезь в шторах падает перламутрово-жемчужный свет с сизым отливом, и его золотистые волосы отдают холодным блеском. Он смотрит на её полуоткрытые губы, его зрачки расширены от возбуждения, глаза тёмные и тягучие. Он нежно целует её, и она пробуждается, поднимает ресницы. Она видит над собой красивого, сильного, молодого мужчину. Он смотрит на неё с восхищением, и она зажмуривается от удовольствия. Потягивается, откидывает назад свои длинные руки, вытягивает их, словно белый лебедь распрямляет тонкую шею. Он целует их, её лилейная кожа пахнет кремом с восточными пряностями. Он идёт готовить ей кофе, а у неё есть время принять тёплый душ. Потом она расчесет блестящие волосы. Вернётся в спальню – ей нужно выбрать платье. Оно просто должно ей нравиться. Ей не надо думать о том, не замёрзнет ли она в нём на улице, удобно ли ехать в такой одежде в метро, подойдёт ли её обувь к этому платью. Ей просто нужно протянуть руку к тому платью, которое сегодня

подходит её настроению. Она появляется перед Лёшей уже одетой, с лёгким макияжем без тональника – ведь у неё здоровая чистая кожа. Он ставит перед ней чашку свежесваренного кофе. Она вдыхает манящий аромат дорогой арабики, поднимает на него глаза. С удовольствием разглядывает его голый торс, улыбается ему. Через несколько минут он поможет её накинуть длинное строгое пальто. Потом он опустится перед ней на колени, перехватит крепкими пальцами её тонкую щиколотку, затем немного приподнимет её стройную ногу, и обует эту прекрасную часть тела в изящные кожаные ботильоны на длинной шпильке. Они спустятся на лифте на первый этаж, неспешно пройдут к машине, которую он уже прогрел. У них ещё есть время, чтобы свозить её в салон красоты. Её встречает стилист – непременно молодой человек, который рассыпается перед ней в комплиментах; он делает ей укладку, она подмигивает ему через отражение. Потом она вернётся к машине, Лёша откроет перед ней пассажирскую дверь, и повезёт её по главным улицам Москвы, к стеклянному, словно в иное, бизнес-центру. Там без неё никак не могут начать работу молодые специалисты и мужчины, старше её вдвое – все они ждут её с одинаковым благоговением. Она, наконец, приехала. Она идёт по коридору. Получает от окружающих комплименты, раздаёт указания. К ней подбегают со всех сторон, показывают ей сложные чертежи, а она требует исправить ошибки, делает замечания. Все слушают её затаив дыхание, с блестящими

глазами внемлют каждому её слову. Потом её приглашают в большой светлый зал. Какой-нибудь зал для конференций, или как там это у них называется, я не знаю... Показывают ей красочные презентации со сложными графиками – а она всё понимает, опять раздаёт указания. В обед за ней приедет Лёша, и они отправятся в ресторан. Там немного клиентов, потому что даже очень успешные топ-менеджеры не могут позволить себе выбраться на обеденный перерыв в такое дорогое заведение. Она пьёт старое вино, эротично обхватывает губами кусочек сыра на кончике канапе. Лёша не может оторваться от неё. Он спрашивает, может быть у них есть несколько минут, чтобы остаться наедине. Она хитро улыбается, и говорит, что есть. Они останутся в номере роскошного отеля, чтобы только один раз успеть заняться любовью. Он будет раздевать её, облизывать с ног до головы. А после она поправит причёску одним движением руки, и он повезёт её на деловую встречу. Она может приехать туда немного подшофе – ведь ей можно всё. За столом только мужчины. И снова её все слушают. Всё решается так, как хочет она. Ей звонит хозяин их фирмы, с неподдельным уважением перечисляет её незаменимые достоинства. Теперь ей нужно купить что-нибудь для похода в театр. Они с Лёшей едут в торговый центр, где она покупает себе длинное вечернее платье, а ему строгий костюм и роскошные часы. Теперь она сядет с ним на переднее сидение, и он из водителя превратится в её спутника. Он сам будет ощущать эту перемену,

и гордо поднимать голову. Теперь он ведёт машину неспешно, крутит руль, надавливая на него лишь кончиками пальцев. Он будет знать, что она посматривает на него украдкой, и он очень-очень нравится ей. Они войдут в здание театра под руку. Поднимутся по широкой лестнице в отдельную ложу. В её руках будет золотом переливаться тяжёлый бинокль. Лёша будет смотреть на неё больше, чем на сцену – ведь она самое притягательное создание на свете. И когда она будет прикладывать к своему лицу бинокль, он про себя отметит, что не хватает разве только диадемы на её голове – ведь она королева.

Глава 4

– Ты издеваешься? – я бросаю трубку и хватаюсь за голову. В висках стучит кровь, тело будто немеет изнутри.

Мы никуда не едем. Ирина не пошла в театр, и они с Никитой и Виктором Сергеевичем до сих пор решают какие-то важные вопросы в офисе. Одиннадцатый час вечера! Я прождала его в Макдональдсе целый час, потому что он собирался забрать меня. Что мне теперь делать? Я не успею на маршрутку.

Телефон звонит. Он попытается оправдаться, предложит какой-нибудь вариант. А что он может сказать? Это всё ради нашего будущего? Я уже не знаю, хочу ли я этого будущего с ним. И чего я вообще хочу?

– Да, – я всё-таки беру трубку, и мой голос звенит как сталь.

– Катя... мне так жаль... этого больше никогда не повторится, я тебе обещаю.

– Мне уже всё равно. Что я теперь, по-твоему, должна делать? Ночевать тут? Макдональдс тоже не круглосуточно работает, блин.

– Прости, прости, прости! ...Ирина любезно согласилась одолжить тебе Лёшу. Он отвезёт тебя домой. Или, если хочешь, подождёшь меня в офисе? Мы уже скоро должны закончить, правда. Но он только выехал, и... будет на своей

машине...

Как будто это должно меня больше всего напугать. Лёша. Лёша повезёт меня домой?

– Хорошо, я буду ждать его у метро, – сбрасываю звонок. Даже не верится. Я чувствую себя очень странно. Я так рада, что увижу его. Нормальная женщина боялась бы остаться с ним наедине, учитывая, что она о нём знает. А я волнуюсь, как перед экзаменом.

На улице нет ветра, воздух спокойный, как будто затаил дыхание. Так часто бывает перед тем, как пойдёт снег. Я была бы рада, мне нравится зима. Всё становится таким сказочным, светлым. Люблю закат зимой, такой ранний и быстрый, очень сдержанный по цветам. Усыпляющая дымка над белёсыми деревьями, розовые блики между высокими серыми домами... ах! А ещё мне очень нравится, как жёлтый свет из окон первого этажа падает на сугробы. Эти золотистые прямоугольники будто создают тропу, так и манят сделать по ним несколько шагов и заглянуть через стекло: что там, в тёплой уютной комнате?

У меня же нет Лёшиного телефона! Как мы найдём друг друга? Я даже не знаю, какого цвета у него машина. Знаю, что восьмёрка, и, как выражалась Ирина, она шумит, как товарный поезд. Интересно, а где её Audi? Я совсем иначе представляла жизнь Ирины: Лёша всегда под боком, много развлечений...

– Эй!

Опять это его «эй».

Он вышел со стороны дворов, и опять курит. Стоит поодаль и ждёт, пока я сама подойду.

– Я бросил тачку во дворах, поедем в объезд. Там менты, а я не хочу сейчас с ними разговаривать, – он держит сигарету между большим и указательным пальцем, и будто прикрывает её ладонью от дождя. И прищуривает глаз, когда затягивается.

– А тебя обязательно остановят?

– Спрашиваешь... – он разворачивается ко мне спиной и идёт, я следую за ним. Его шаг очень быстрый, мне приходится бежать, чтобы догнать его. Лёшу это совершенно не смущает. Молчит. Не оборачивается. Не смотрит по сторонам, когда переходит через дорогу во дворах. Он вообще ни на кого и ни на что не обращает внимания. Кроме Ирины, разве что, и её прихотей.

Забирается в свою машину. Она проседает под ним, хотя я не думаю, что он много весит. Он подтянутый. Скорее, машина старовата; ещё она пыльная и поцарапанная. Никита никогда не доводил свою поддержанную Daewoo до такого безобразного состояния.

Я пытаюсь открыть дверь, но ничего не выходит. Лёша изнутри дёргает вверх чёрную пимпочку рядом с окном, и резко толкает дверь на меня. Я не успеваю отступить, и получаю удар по ногам. Он то ли не заметил, то ли ему без разницы. Забираюсь в машину, пытаюсь оттереть грязь с брюк.

– Какой мерзотный звук, – тянет Лёша.

Я с возмущением поднимаю на него голову:

– Ты, между прочим, по ногам меня ударил своей пыльной дверью, – и продолжаю срезать ногтем слой грязи над коленкой.

– Возьми щётку, не могу выносить это! – он кривит губы. – Там, на заднем сидении.

Включает свет в салоне.

Я поворачиваюсь и вижу распластанный на заднем сидении мужской костюм тёмно-синего цвета, завёрнутый в прозрачный пакет – так же свою одежду хранит Ирина.

– Вы должны были пойти в театр, – бормочу я.

– Хорошо, что не пошли. Я не хотел надевать эту хрень. Я в нём как пидор.

– Тебе бы пошёл чёрный, классический, – я поднимаю на Лёшу глаза.

– Слушай, ты штаны свои оттирать будешь, или советы стилиста мне давать? Щётка в левом углу пакета.

Я перегибаюсь между сидениями и ищу.

– Нету.

– Ниже, – командует Лёша. – И осторожней. Костюм стоит дороже, чем все твои шмотки вместе взятые.

Я поворачиваю к Лёше голову. Он с пренебрежением смотрит на мои угги, свисающие с сидения, и бормочет:

– Нет, одна щётка стоит дороже.

Выволакиваю из длинного пакета щётку. У неё гладкая бе-

лая ручка с врезанной в пластик надписью, и нежный, с ещё выпуклыми ворсинками лоскуток ткани свекольного цвета. Совсем новая, но уже использовалась. Я вижу белёсые пылинки, перечёркнутые чёрным Ирининым волосом. Может, они купили эту щётку в том же магазине, где и костюм. И когда он надевал его, Ирина была с ним в примерочной. Оценивала. Трогала. Прижималась. Обнимала. А потом чистила его костюм. Ухаживала. Такая ролевая игра.

Я только начинаю чистить брюки, как Лёша выключает свет. Мне приходится извернуться, чтобы полоска света от фонаря упала мне на колени.

Звонит его телефон. Я вздрагиваю от женских стонов, разрывающих мелодию звонка, потом солист начинает читать рэп – слова так исковерканы, как будто он поёт, закусив губу.

Лёша молча смотрит на экран, будто ждёт, когда прекратят звонить.

– И ты мне ещё про мерзотные звуки говоришь, – фыркаю я.

– Чё?

– Я про твою музыку на телефоне – ничего более мерзотного я не слышала.

Он смеряет меня злым взглядом, и мои руки снова начинают холодеть. Будто я прикоснулась кончиками пальцев к траве в первом осеннем инее.

Лёша подносит трубку к уху, цедит:

– Я занят... Нет, водку жру. На работе я... Думай как

хочешь, мне без разницы... Ты чё, тупая? Я же сказал – я на работе, – он отчеканивает каждое слово. Что за женщина, с которой он так разговаривает? Уж явно не Ирина. Неужели с мамой? – И на это мне тоже без разницы... Мне насрать, ясно? ...да на здоровье! – он сбрасывает звонок и швыряет телефон в выемку у коробки передач. Выругивается матом.

Я молча смотрю на него. Он поворачивает ко мне голову, хмурится.

– Зря ты села со мной в машину, – заводит мотор.

– Почему? Ты лихачишь?

– Это мягко сказано. А сейчас дороги свободные... – он смотрит на меня, ухмыляется. Цокает языком. – Так что я тебе не завидую.

Мы съезжаем с бордюра. Пока он двигается медленно. Мы проезжаем дворы. Подползаем к шоссе. Он смотрит вбок, несколько раз нажимает на педаль газа. Машина вздрагивает, дребезжит, подаётся вперёд всем своим существом, будто пытается вырвать цепи, приковывавшие её к асфальту. Наверное, когда он так делает, то чувствует себя гонщиком за рулём какого-нибудь необычайно мощного... этого... как его там... болида.

Вот я слышу треск слева от себя, и машина срывается с места в диагональ. Вылетает на шоссе боком. Я делаю рывок вместе с ней: только она вперёд, а я назад. Лёша разгоняется. Машина сначала притормаживает, а затем начинает двигаться быстрее. Её всю трясёт, словно её душа хочет вы-

рваться из этого немогущего тела. Я кожей ощущаю Лёшино нетерпение – всё мешает ему двигаться так, как он хочет: возможности двигателя, шершавый асфальт, встречный ветер, земное притяжение. А теперь ещё и светофор. Он резко тормозит, и мы оказываемся на полкорпуса на пешеходном переходе. Он мог сбить кого-нибудь.

Загорается зелёный, и я уже сама послушно откидываюсь на спинку кресла, чтобы не получить удар в спину. Впереди поворот, и я изо всех сил вцепляюсь в ручку двери. Мы выворачиваем так круто, что этот рывок сгибает меня в сторону, потом в другую.

Шоссе оживлённое. Он догоняет одну машину, обходит её справа, возвращается обратно. Догоняет следующую, и снова обходит её. Он специально делает это – выезжает на полосу, на которой впереди машина. Ему нравится резко выворачивать руль, вдавливать педаль газа в пол так, что машина начинает хрипеть – он выжимает из неё все силы. И ему хочется обходить других, ему нравится оказываться впереди, преодолевать, побеждать... хотя бы здесь, на этой дороге. И в этом что-то есть такое... живое. Я сама начинаю чувствовать то ли азарт, то ли адреналин. Мне хочется молча наблюдать, как он обгоняет машины, двигаться вместе с ним и с его автомобилем, быть частью этого действия, и чтобы оно не прекращалось. Чтобы всегда впереди были препятствия, и я могла вот так вот, скосив на него глаза, рассматривать его лицо. Как прищурены его глаза, как напряжены

бугорки над переносицей, и как ухмылка едва заметно трогает его губы на очередной победе.

Мне кажется, сбоку от него свет становится ярче. Я слегка поворачиваю голову.

Вдруг меня оглушает долгий, надрывный гудок другой машины. Лёша рывком сворачивает руль вправо, и мимо нас проносится блистающая чёрная иномарка – от скорости, которую она развивает, обгоняя нас с прерывистыми гудками, вся её поверхность кажется мерцающей белым золотом. Секунда, и я уже не вижу красных точек на её идеально слепленной заднице – а ведь Лёша почти не сбавил темпа. Я смотрю на его лицо, и вижу злобу в каждой линии: глаза прищурены с такой ненавистью, что можно подумать, они и вовсе закрыты, жёсткая линия губ перечёркивает лицо. Он сейчас больше похож на Смерть с черепом вместо головы. Ни капли разочарования, никакой обиды – только злоба, яростная и сдерживаемая... Вот бы он потерял самоконтроль. Я хочу, чтобы он со всей силы ударил по рулю, чтобы разогнал машину до предела, и настиг эту иномарку. Хочу, чтобы он прижал её к обочине и заставил остановиться. Он выскакивает из машины одним рывком, хлопает дверью так сильно, что я вздрагиваю, подпрыгиваю на сидении; он решительно идёт к машине, дёргает дверь водителя, вытаскивает этого мудака из-за руля. Он бросает его на землю, и начинает бить. Никто не смеет обходить его. Он бьёт его и бьёт, бьёт нещадно... и я чувствую, как внутри всё сжимается от наслажде-

ния. Меня заводит то, что я сейчас представляю. Мне хочется видеть, как он подчиняет других, а потом самой подчиняться ему...

Яркие огни широких проспектов столицы сменяются тусклыми фонарями, наряженные золотыми гирляндами бутики превращаются в серые от дорожной пыли надписи «Продукты» и «Всё для дома». Мы съезжаем на дорогу, финишную прямую, которая прервётся в нашем с Никитой дворе. Мне становится ужасно тоскливо; скорость падает, умирает.

– Ну, давай, – он кивает мне головой и снова смотрит через лобовое стекло.

Мне так не хочется уходить, но он всем своим видом показывает, что мне пора выметаться. Мне ничего не получить от него. Ничего. Вылезаю из машины, захлопываю дверь со второго раза, и иду домой. Никита бы подождал, пока я зайду, а этот тут же развернулся и рванул с места. Рёв мотора уже стихал на шоссе за домами, а я только открыла дверь в подъезд.

Я поднимаюсь по лестнице, еле волоча ноги. Я чувствую себя разочарованной, неудовлетворённой, очень-очень одинокой.

Только одно приносит мне облегчение – Никиты сейчас нет дома. Мне даже не хочется звонить ему. Можно написать... щётку забыла отдать. Она так и осталась в моей руке. Кладу щётку на тумбочку. Пишу смску, что всё в порядке, я

доехала. И выключаю телефон – можно будет потом сказать, что просто сеть не ловила, у нас в квартире ведь часто так происходит. Почему я не хочу общаться с ним? Почему хочу остаться одной, ведь мне так... так плохо сейчас.

Я подхожу к окну. Свет в комнате выключен. И за окном темно. Я думаю о Лёше. Мне хочется проговорить его имя вслух, хочется увидеть, как буквы его имени выглядят на бумаге, если написать их моим почерком... а если нарисовать? Я понимаю, что впервые за несколько лет чувствую что-то, отдалённо похожее на вдохновение.

И тут же бегу к серванту. Когда мы с Никитой стали жить вместе, я рассказывала ему, что умею рисовать... Я умею рисовать – сейчас даже будто и не про меня это.

Матвей Константинович пророчил мне выдающееся будущее, если я буду стараться. Но наш маленький город – это отдельная страна в России. Такие словосочетания как: успех в карьере, профессия по призванию, авторский взгляд на мир... всё это звучит как еретические вопли. Там есть много других слов, настоящих, понятных, реалистичных: пахать, не спиться, сводить концы с концами, мечтать не вредно. Счастлива ли я, что мне удалось убраться оттуда?

Я достаю краски. И холст. Последний раз я рисовала после нашей с Никитой встречи, один раз. Он попросил, и я нарисовала. С тех пор прошло полтора года, и я ни разу не бралась за краски. Почему?

Огюст Роден, «Поцелуй» которого я никогда не виде-

ла живую, говорил, что краски и формы, изображенные художником на картине, должны выражать собой чувство. Матвей Константинович много рассказывал нам о значении объекта, который мы пытаемся нарисовать: мы должны чувствовать к нему что-то, быть впечатлены.

Я пытаюсь поймать то настроение, которое охватило меня сейчас, после лихорадочной скорости автомобиля, бок о бок с мужчиной, который пугает меня, и притягивает одновременно. У меня никогда не выходили портреты, поэтому я снова берусь за пейзаж. Я вижу всплески мутно-оранжевых огней вдоль дороги, небо на их фоне кажется чёрным. Они сливаются в одну полосу, но кисть рисует её слишком резкой, неестественной, однородной. Хочется взять бронзы, и высыпать её в пятна краски. Что ещё? Его лицо. Но я не могу уместить его в этой картине, потому что я выбрала другой ракурс. Как же я передам тот напор, и ту ярость, с которой он стремился преодолеть каждое препятствие на своём пути? Я могла бы сделать в лобовом стекле отражение, но кроме сжатой линии тонких губ, которая перечёркивает пустой холст слева, я ничего не могу передать... у меня не хватает для это мастерства. Что же мне делать? Я хочу показать движение вперёд, но без его фигуры это движение бессмысленно. Потому что он – причина моего чувства. Я пытаюсь нарисовать его сощуренные глаза, но получаются какие-то недоразвитые чёрточки. Нервно дёргаю рукой, и полоса от фонарей смешивается с коричневым пятном, упавшим с кисти.

Ни черта не выходит! Я швыряю кисть на паркет, хватаюсь руками за лицо. Ладони прилипают к щекам. Я теперь вся в краске. Как в детстве. И если Никита сейчас войдёт... и включит свет... я подниму голову... он... какое у него будет испуганное, опрокинутое лицо!

Моё тело сотрясается от нездорового хохота. К глазам подступают слёзы.

Я выхожу в коридор, задаваясь вопросом, что так глохнет меня, и одновременно подбрасывает к самым облакам? Взгляд захватывает Лёшину щётку для одежды на тумбочке. В блеске жёлтого света на свекольном лоскутке отчётливо видны короткие золотистые волосы – они торчат между ворсинками, словно вырастают из внутренностей щётки. Я беру её с собой на кухню – там больше света. Рассматриваю ткань над столом, пока греется чайник. Это его волосы. Лёшины. Он постригся перед тем, как они отправились в магазин – волоски короткие, обрубленные с одного конца, и чуть утончённые с другого. Я подцепляю их ногтями, вытягиваю из ткани как тонкие, с отщеплёнными головками, булавки из иголочной подушечки. Выкладываю их один за другим в вертикаль на пластмассе стола. Пять штук. Пять его частичек. Завариваю сладкий чай. Намазываю на вздутый ломоть сдобы подтаявшее сливочное масло. Выметаю с изгибов на ладони маковые зёрна. Трогаю указательным пальцем Лёшин волосок – он укладывается в мою тёплую кожу. Я подношу кончик пальца к мягкой поверхности масла, и воло-

сок погружается в сливочные волны, оставленные линиями моей руки. Волосок изгибается по одной из этих линий, становится слегка подкрученной как ресница дугой. Мой мизинец нависает над вторым волоском, и в масле он тоже обретает более мягкую черту. Я перекладываю в сливочную массу остальные три частички, они в ней сглаживают свои обрубленные кончики, становятся одним целым – волнистой, золотой, словно тончайшая медовая струйка, линией. Я делаю глоток чая, перекаत्याю вязкую жидкость по всей полости рта, и откусываю кусочек десерта. Лёшины волосы погружаются в водоворот из хлебной мякоти, янтарного чая, сливочной слизи и моей слюны. Они трутся об мои щёки, пробираются в щёлочки между зубами, своими кончиками тыкаются в моё нёбо и в дёсна, вонзаются в сосочки языка, щекают и покалывают в его ямочках. Я перетираю их между нёбом и языком. Я размножаю их в себе, чтобы их стало как можно больше – его частичек, которые соскальзывают в моё горло терпкой, вязущей жидкостью.

Я уже в комнате. Закрываю глаза. С улицы доносятся голоса прохожих, кто-то зовёт собаку, я слышу топот под окнами. Над головой под чьими-то шагами поскрипывает сухой паркет. Кто-то из соседей уронил что-то на батарею – вкрадчивый и звонкий стук раздаётся и тут же стихает. Иногда, когда я слышу резкие звуки с закрытыми глазами, передо мной вспыхивают яркие сполохи. Как-то Матвей Константинович рассказывал про «цветной слух», когда художник может ви-

деть разные цвета, или даже сюжеты картин, слушая музыку. Сейчас мне достаточно шума.

Я заново переживаю сегодняшнюю поездку. Хрип двигателя, дребезг железа, визг резины, скользящей по асфальту при резких перестроениях, и скорость снова возрастала, отдельные стуки превращались в однородный гул, прерываемый щелчками коробки передач – во всём этом есть ритм, который вот-вот станет музыкой...

Я вижу женщину. Она похожа на богиню. Рост её превышает размеры деревьев, холмов вокруг неё, её златовласая голова упирается в небо, закрывает собой солнце, идущее к закату позади неё. Если она сядет между тех гор, которые серебрятся за её спиной, и расправит плечи, раскинет руки, она сможет раздвинуть эти горы огромными ладонями. На ней бежевая, полупрозрачная ткань. Её фигура с тех полотен времён Возрождения, где тела великих муз были полными и мягкими, всегда готовыми к зачатию. Но её живот испещрён старыми шрамами, как будто из её чрева выкромсали матку. Я понимаю, что она бесплодна. У неё незнакомое лицо, я всматриваюсь в него так тщательно, что мои глаза невольно шуряются – родинка над губой как у меня. Кончики её густых бровей над переносицей высоко подняты – ей страшно, она должна принять какое-то решение. Её глаза смотрят вниз и вправо из-под полуопущенных век – это смирение, это принятие неизбежной трагедии. На что она смотрит? Что она сейчас потеряет? Внизу, справа от неё, возвы-

шаются клетки из досок, они похожи на строительные леса. Я открываю глаза. Даже не заметила, что свет на прикроватной тумбочке уже включен. Я снова сижу на полу. Передо мной новый холст, на котором проступают серьёзные карие глаза этой женщины, часть её волос уже прорисована, и нужно будет добавить им нежно-розового блеска от заходящего солнца. Мне нравится форма её глаз, они такие грустные, и такие... цепляющие, хотя она и не смотрит на зрителя. Так что же там, вдоль её тела, упирается шершавыми краями в мягкую грудь и покатые бока? Я снова зажимаюсь: да, это доски, серые и бесцветные от постоянных дождей, они прибиты друг к другу, и образуют строгие геометрические фигуры между собой: квадраты, прямоугольники, треугольники. У этого сооружения несколько уровней, основанием оно утопает в коричнево-зелёной жиже у ног женщины, а на вершине я вижу... кресло? Мы видели такое с Никитой в магазине Икеа, и очень хотим купить его в первую очередь, если у нас будет своя квартира. Оно недорогое, простое, глубокого коричневого цвета. Никита мечтает, как будет сидеть в нём по вечерам с книгой – ведь когда-нибудь у него появится время для того, чтобы читать перед сном что-то помимо литературы о строительстве. Он мечтает, как будет засыпать в нём, пока я убаюкиваю нашего малыша; а потом я приду к нему, нежно разбужу, чтобы мы легли спать в обнимку в нашу кровать. Да, я вижу и рулон детских обоев несколькими уровнями ниже: на них жёлтые утки с красными клювами

и коричневые плюшевые медведи с синими мячиками. Рулон приставлен к одной из досок, и часть обоев размотана и повисает в воздухе. А вот какая-то белая тряпочка, скомканная и смятая ветром, держится на одном гвозде, вбитом в доску: по-моему, это фата – полупрозрачная, с кружевами, её кромка почти дотягивается до кожи женщины. Я вижу привязанный к бежевой веревочке шильдик Kia, который вверх ногами висит на металлическом крючке – такую машину мы хотели бы взять, когда сможем позволить себе кредит. Я прописываю эти вещицы очень скрупулёзно, хотя они кажутся мне совсем не вписывающимися в центральную идею картины. Хотя, откуда я знаю, что это за идея? Мою руку с кистью будто ведёт какая-то высшая сила, и я старательно вырисовываю завитки и чёткие линии других бытовых мелочей, разбросанных по строительным лесам: набор кастрюль, средство для посудомоечной машинки, буклет с названием туристической фирмы и египетскими пирамидами... Всё, я замираю. Мне в голову приходит новый вопрос: почему с такой тоской женщина смотрит на это сооружение? Почему её губы так плотно сжаты, как будто она прилагает очень много усилий, чтобы удержать что-то в своих руках? И я ищу положение для её рук. Они вытянуты вверх, над её головой. Её мышцы напряжены до предела, даже венки выступают на руках, её пальцы побелели от тяжести, растопырены. Она держит в них огромный чан, который чернеет громоздким булыжником на фоне невесомых облаков – они окутывают

его, пытаются скрыть своей дымкой бурлящую в нём терракотово-малиновую лаву. Лава пузырится, кипит. Как же этой женщине тяжело и больно держать его! Он обжигает её пальцы, он вдавливая её сильное тело в ту болотообразную жижу, которая расползается у её ног. Она сидит в позе лотоса, и её голые пальцы на ногах уже перепачканы, забрызганы подсыхающим зеленоватым месивом. Краски, которые я беру для чана с лавой, перекрывают всё оставшееся место для смешивания красок на палитре, они резко контрастируют со всеми уже использованными цветами. Мне приходится потратить время на очищение палитры. Я начинаю переживать, что у меня могут закончиться краски, а я ещё даже не знаю, что будет дальше – есть пустое место справа от моей женщины. Там кто-то. Некая сила, которая влияет на неё. Это мужчина. Он стоит на обрыве, заполненном пушистой зелёной травой. Я вижу его мощную спину. Его широкие лопатки напряжены, смещены друг к другу. Он немного наклоняется вперёд. На нём чёрные джинсы, и тяжёлые берцы. Одна его нога согнута, и он упирает её в зелёный выступ так, что тонкие травинки подминаются под его силой. Он что-то тянет на себя, но его руки скрыты от зрителя за его телом. Я снова зажмуриваюсь, и моё воображение выдаёт последний кусочек пазла – это цепи. Массивные блестящие металлические цепи, которые натянуты до предела, они обматывают запястья женщины, они вминают под своими ледяными звеньями её тёплую розоватую кожу. Ещё немного уси-

лий – и она не сможет сопротивляться его напору. И этот чан обернётся и прольёт свою выжигающую лаву на незатейливый пьедестал чьих-то сокровенных желаний.

Я выдыхаю. Смотрю на проделанную работу с любопытством, моё сердце бьётся быстро, как будто кто-то напугал меня, но я убежала, и теперь могу отдышаться в безопасном месте. Встаю на ноги, облакачиваю картину на окно, отхожу на несколько шагов. Этот мужчина... который тянет её за руки – он в несколько раз мельче её. Почему же она поддаётся?

Я слышу, как тихо закрывается входная дверь. На цыпочках подхожу к порогу спальни. Никита думает, что я могу спать, и боится разбудить меня. Он осторожно копошится в коридоре, пытаясь снять куртку и обувь, пока я молча наблюдаю за ним из приоткрытой двери. Он не знает, что я смотрю на него. Смотрю и не могу сдвинуться с места. Он сейчас какой-то совсем другой. Будто посторонний мне человек. И я вижу только недостатки в его внешности и манере держаться: нелепый рост, сутулые плечи, измученное лицо, круги под глазами, и прочее, прочее, прочее... Только сейчас я не ощущаю того сочувствия к нему, как в нашу первую встречу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.